

ДОГОВОРЪ

XXIV/V
1-60

СТРАХОВАНІЯ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ КАНДИДАТА ПРАВЪ

С. Е. Ліона.

Цѣна 50 к.

65

ГПР

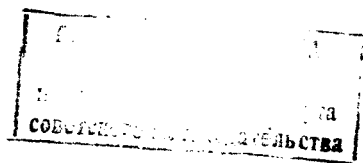
МОСКВА.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салт. пер., д. № 9.

1892.

Дозволено цензурою. Москва. Мая, 29 дня 1892 года.

43993

1887-1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Сущность страхового договора	1—11
Глава II. Лица, участвующія въ страховомъ договорѣ ..	12—31
Глава III. Предметъ страхового договора	32—49
Глава IV. Цѣль страхового договора.	50—81

ДОГОВОРЪ СТРАХОВАНІЯ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

„Юридическая жизнь народа не можетъ обойтись безъ общихъ руководящихъ правилъ, безъ началъ. Иначе движеніе этой жизни представитъ собою какую-то путаницу отрывочныхъ, смутныхъ, неясныхъ понятій; это будетъ жизнь случайностей, жизнь на удачу. Но строгое проведеніе началъ можетъ привести иногда къ слишкомъ рѣзкимъ результатамъ, которые войдутъ въ столкновеніе съ потребностями дѣйствительной жизни. Тогда *вытѣшается въ дѣло положительное законодательство, которое своими постановленіями старается смягчить рѣзкость этихъ результатовъ.* Такимъ образомъ, законодательство можетъ видоизмѣнять *послѣдствія* извѣстныхъ началъ, но оно не можетъ искажать самыя начала подъ страхомъ быть отвергнутымъ жизнью... (А. Гордонъ: „Представительство въ Гражданскомъ Правѣ“. С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 311).

Глава I.

Сущность страхового договора.

Право собственности, составляя одну изъ важнѣйшихъ основъ современнаго общежитія и фундаментъ, на которомъ покоится вся наука Гражданскаго Права,—защищается законодательствами всѣхъ странъ отъ всякаго нарушенія съ чьей-бы то ни было стороны. Цѣлая система мѣръ гражданскаго и уголовнаго возмездія готова отразить всякое посягательство, прямое или косвенное, на чужую собственность. Благодаря этому, а также господству строгой законности въ современныхъ обществахъ, собственность является вполне огражденной отъ тѣхъ опасностей, которыми можетъ ей угрожать злая воля третьихъ лицъ,—будетъ ли эта воля выражаться въ неправдѣ гражданской или уголовной. Говоря словами нашего закона,— „всякій обязанъ вознаграждать за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя-бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка“ ¹⁾. Но само собою разумѣется, что постороннее лицо, неся отвѣтственность за всякую свою *вину*,—будетъ-ли то вина умышленная, или неосторожная,—не можетъ отвѣчать и не отвѣчаетъ за послѣдствія дѣяній *случайныхъ*, такъ какъ въ случайныхъ дѣяніяхъ нѣтъ вины: случайнымъ дѣяніемъ и называется такое, въ которомъ лицо, совершившее его, не только не предвидѣло, но и *не могло* предвидѣть послѣдствій своего дѣянія ²⁾. Къ случайному дѣянію приравнивается, въ смыслѣ безотвѣтственности автора его, дѣяніе, совершенное подъ вліяніемъ непреодолимой силы, или необходимой обороны,—и, вообще, въ одномъ изъ состояній законнаго невмѣненія ³⁾.

¹⁾ Т. X, ч. 1, ст. 684.

²⁾ Т. X, ч. 1, ст. 647 и 684; Улож. о наказ. ст. 93.

³⁾ Мейеръ, „Русское Гражданское Право“, Москва, 1873 г., стр. 173.

Такимъ образомъ, собственникъ, понесъ ущербъ отъ случайнаго дѣянія, не можетъ требовать возмѣщенія этихъ убытковъ отъ невольнаго виновника ихъ и, слѣдовательно, долженъ самъ нести всю ихъ тяжесть. То-же самое нужно сказать и о томъ случаѣ, когда убытки собственника являются дѣйствіемъ не людскихъ рукъ, а стихійныхъ силъ природы: огня, бури, землетрясенія, града и т. п.: слѣпая стихія, конечно, безотвѣственна ¹⁾).

Таковъ смыслъ, весьма важнаго въ Гражданскомъ Правѣ, принципа: *Casum sentit dominus*,—принципа, столь логически вытекающаго изъ самой природы вещей и изъ существа права собственности, и столь жѣтко формулированнаго римскимъ гениемъ.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что всякій собственникъ, пользуясь всѣми выгодами и плодами своей собственности, въ то-же время несетъ на себѣ тяжесть риска отъ случайныхъ ущербовъ и потерь, могущихъ постигнуть объектъ его права собственности. Эта тяжесть есть *неизбѣжное* слѣдствіе права собственности: рискъ неразрывно связанъ съ правомъ собственности,—столь-же неразрывно, какъ обратная сторона медали съ лицевой. Какъ же уйти отъ этого риска? какъ снять съ себя эту страшную тяжесть?—таковъ естественный вопросъ собственника, котораго прихоть слѣпнаго случая можетъ, однимъ ударомъ, превратить изъ богача въ нищаго. Мы видѣли, что никто *не обязанъ* вознаграждать собственника за убытки случайныхъ потерь: но, спрашивается, не согласится-ли кто-либо *добровольно* взять на себя ту тяжесть риска, которая лежитъ на собственникѣ?

Экономическая возможность такой передачи риска кроется въ самой природѣ *случая*. Случаежъ называется такое событіе, котораго никакой умъ человѣческій не въ состояніи предвидѣть ²⁾). Но опытъ показываетъ, что, какъ ни произволенъ случай, ко-

1) „Quae fortuitis casibus accidunt, cum praevideri non potuerint, ... nullo bonae fidei iudicio praestantur“. С. IY. 24, de pign. act.

2) „Fortuitus casus—quod nullum humanum consilium providere potest“. С. Z. 6 de pign. act.

личество случайныхъ событій даннаго рода (напр. пожаровъ) въ данной странѣ колеблется изъ года въ годъ около извѣстной средней цифры, то превосходя, то не достигая ея. Въ виду этого, опираясь на статистическій опытъ и на теорію вѣроятностей, мы всегда можемъ приблизительно предвидѣть какъ количество предстоящихъ, *по всей вѣроятности*, въ данномъ году несчастныхъ случаевъ даннаго рода, такъ и сумму тѣхъ убытковъ, которые будутъ ими причинены. Такимъ образомъ, событіе, которое въ разрозненномъ видѣ является неподчиненнымъ никакимъ законамъ, приобретаетъ, будучи повторяемо на большомъ пространствѣ и въ большой массѣ, извѣстную устойчивость, — теряетъ, въ значительной мѣрѣ, характеръ случайности. Благодаря этому, является возможность, заключивъ договоры съ достаточно-значительнымъ количествомъ собственниковъ¹⁾ за извѣстное вознагражденіе, взять на себя возмѣщеніе тѣхъ потерь, которыя, судя по опыту, должны, по всей вѣроятности, пасть на ихъ имущества отъ даннаго опредѣленнаго несчастія въ данномъ году. Если, напр., статистическій опытъ говоритъ, что въ данной странѣ на 100 домовъ ежегодно бываетъ, среднимъ числомъ, 2 пожара на сумму 8 тысячъ рублей, то представляется полная возможность, взявъ съ каждаго домовладѣльца, скажемъ, 100 руб., принять на себя предъ всѣми 100 домовладѣльцами обязательство возмѣститъ за всѣ потери, которыя можетъ причинить ихъ домамъ пожаръ въ данномъ году, — имѣя при этомъ вѣроятность получить отъ этой операціи 2 тысячи руб. чистой прибыли; при чемъ, съ другой стороны, каждый домовладѣлецъ, платя 100 руб., гарантируетъ себя отъ риска потерять 4 тысячи рублей¹⁾. Если, затѣмъ, соб-

¹⁾ Для иллюстраціи этой экономической возможности передачи риска, замѣчу, что за 4-хъ лѣтній періодъ, съ 1883 по 1886 годъ, нашими акціонерными страховыми обществами было собрано страховой преміи 140.928.055 рублей, а уплачено убытковъ страхователямъ 56.981.158 руб., — слѣд., получено чистаго барыша отъ страховой операціи 83.946.897 рублей. См. О. А. Ноткинъ „Страхованіе имущества по русскому законодательству“, Кіевъ 1888 г., LVI+325, стр. XVII. Сочиненіе Г. Ноткина есть, какъ видно изъ заглавія

существенникъ войдетъ съ этимъ лицомъ въ юридическое соглашеніе съ означенной цѣлью, то эта возможность превратится въ совершившійся фактъ: означенное лицо, въ силу договора будетъ уже *юридически обязано* возмѣстить собственника за всякій ущербъ, который падетъ на его собственность вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго случая.

Такова сущность страхового договора, таково его логическое и историческое происхожденіе ¹⁾. Говорю: историческое, потому что первоначальнымъ видомъ страхованія, — отечествомъ котораго считается Италія, — было страхованіе морское, а предметомъ его —

автора, переработка его студенческаго труда, удостоеннаго юридическимъ факультетомъ Университета Св. Владиміра золотой медали. Но и безъ такого заявленія читатель легко увидѣлъ-бы, что это сочиненіе писано *студентомъ*, такъ какъ оно отличается слишкомъ крупными недостатками, корень которыхъ кроется въ слабости юридическаго анализа, обнаруживаемой авторомъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ этого сочиненія; я приведу лишь, для образчика, тѣ противорѣчивыя опредѣленія, которыя авторъ даетъ страховому договору. Такъ, признавая, на стр. 6, что „посредствомъ страхованія, имущества, *физически разрушаемыя*, обрабатываются въ экономически — неразрушимыя“ и что „поэтому объектомъ страхового договора могутъ быть предметы, способные *разрушаться* отъ несчастнаго случая“, — авторъ тутъ-же говоритъ, что возможно „страхованіе убытковъ на случай несостоятельности должника, т. е. страхованіе *интересовъ*“, — какъ будто интересъ можно отнести къ категоріи имущества *физически* — разрушаемыхъ! Нѣсколькими строками дальше, авторъ уже прямо говоритъ, что „матеріальнымъ (?) предметомъ страхованія служатъ *интересъ*, связанный съ цѣнностью извѣстнаго имущества; страхуется не то или другое имущественное право, само право (*jus nudum*) страхованію не подлежитъ, такъ какъ оно отъ того или другаго несчастія не уничтожается; страхуется *имущество*, — обезпечивающее удовлетвореніе такого права, — короче, страхуется, такъ или иначе, *опредѣленная сумма*“. И такъ, предметомъ страхового договора у г. Ноткина является то интересъ, связанный съ цѣнностью имущества, то самое это имущество, то вдругъ опредѣленная денежная сумма! Трудно себѣ представить, какимъ образомъ такая путаница противорѣчивыхъ понятій можетъ вмѣстаться въ головѣ одного человѣка... Тѣмъ не менѣе, сочиненіе г. Ноткина не лишено и нѣкоторыхъ достоинствъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести историческій очеркъ страхового дѣла въ Россіи и подробное разсмотрѣніе и сопоставленіе всѣхъ уставовъ нашихъ страховыхъ обществъ, какъ акціонерныхъ, такъ и взаимныхъ.

¹⁾ И. Степановъ „Опытъ теоріи страхового договора“, Казань 1875 г., стр. 9—21.

только *физическія* вещи и, именно, *res fungibiles*. И только нѣсколько столѣтій спустя, не ранѣ XVIII в., страхование было распространено и на *res incorporeales*, на всякій имущественный *интересъ* ¹⁾.

Опираясь на вышеизложенное, мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе страхового договора:

„Страховой договоръ есть юридическое соглашеніе, въ силу котораго одно лицо обязуется, за извѣстное вознагражденіе, возмѣститъ всякую гибель имущества, которая упадетъ, въ теченіе условленнаго срока и вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго случая, на другое лицо, какъ на *собственника* этого имущества“ ²⁾.

1) Прекрасно выражена идея страхового договора у проф. Антоновича: „Задача страхованія состоитъ въ томъ, что бы физически—разрушаемое имущество превратить въ экономически—неразрушаемое, сдѣлать неразрушаемую капитальную цѣнность имущества, не смотря на разрушаемость ея физическаго состава.... Такимъ образомъ, чрезъ страхование разрушается часть *доходовъ*, но становится экономически—неразрушаемою капитальная цѣнность.... Представляя собою принципъ охраненія хозяйственныхъ силъ отъ разрушенія, страхование придаетъ необходимую прочность производительной дѣятельности, устраняя ее отъ вліянія слѣднаго случая, каковы напр. пожаръ, наводненіе, градобітіе, падежъ скота отъ эпидемическихъ болѣзней и т. п. *Распредѣляя опасность между многими лицами*, страхование какъ-бы уничтожаетъ ее; несчастіе, изъ всесильнаго и грознаго, превращается въ ничтожное“. А. Я. Антоновичъ. „Курсъ Политической Экономіи. Лекціи, читанныя въ Университетѣ Св. Владиміра“. Кіевъ, 1886 г., стр. 652—653.

2) Степановъ (opus. cit.), при опредѣленіи сущности страхового договора, исходить изъ понятія *самострахованія*, т. е. отклоненія послѣдствій несчастія собственными средствами, такъ какъ, говоритъ онъ: „страхованіе есть самостоятельная хозяйственная дѣятельность, выражающаяся въ *сбереженіи, специально предназначенномъ* для отклоненія возможнаго разрушенія цѣнностей отъ случайнаго несчастія“ (стр. 12). Но самъ авторъ тутъ-же прибавляетъ, что „самострахованіе не обезпечиваетъ собственника: гибель вещи является для него невознаградимымъ вредомъ. И вотъ собственникъ прибѣгаетъ къ договору, какъ способу распредѣленія или передачи риска“. Разъ, по собственному сознанію автора, самострахованіе нисколько не обезпечиваетъ собственника отъ послѣдствій несчастнаго случая, то очевидно, что опредѣленіе страхового договора нельзя строить на понятіи самострахованія, ибо результаты самострахованія сводятся къ нулю, а давно уже извѣстно, что изъ ничего ничего и не выйдетъ. Гораздо правильнѣе было-бы, *наоборотъ*

Если мы обратимся, затѣмъ, къ тому опредѣленію страхового договора, которое даетъ наше законодательство, то увидимъ, что оно, въ сущности, совпадаетъ съ нашимъ опредѣленіемъ. Я разумѣю ст. 2199, т. X, ч. 1, которая гласитъ: „страхованіе есть договоръ, въ силу коего составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество, или частное лицо приѣмлетъ на свой страхъ корабль, товаръ, домъ или иное *движимое или недвижимое* имущество за условленную *премію* или плату, обязуясь удовлетворить уронъ, ущербъ или убытокъ отъ предполагаемой опасности произойти могущій“. Это опредѣленіе касается, собственно, договора континентальнаго страхованія; но и морскому страхованію законодатель даетъ такое-же опредѣленіе (ст. 538 и 539 Уст. Торг. т. XI, ч. 2, изд. 1887 г.). Но въ дальнѣйшихъ своихъ постановленіяхъ законодатель, какъ увидимъ ниже, перѣдко кореннымъ образомъ расходится съ имъ-же самимъ даннымъ опредѣленіемъ¹⁾.

Я останавлиюсь теперь подробнѣе на сдѣланномъ мною опредѣленіи страхового договора.

1. Сущность страхового договора состоитъ, съ одной стороны, въ *передать*, а съ другой — въ принятіи *риска* по

выводить понятіе самострахованія изъ договора страхованія, такъ какъ само страхованіе практикуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда количество подлежащаго страхованію имущества и, слѣдовательно, количество страховой преміи такъ велико, что собственнику выгодно образовать, посредствомъ сбереженія этой страховой преміи, особый фондъ, изъ котораго и погашать убытки отъ случайныхъ потерь. Такъ поступаютъ, напр., многія наши желѣзнодорожныя общества — относительно своихъ зданій и другихъ имуществъ, такъ поступаетъ и наша казна. (Ср. Видинъ. „Договоръ Морскаго страхованія по Русскому Праву“, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 9). Что касается другихъ нашихъ писателей по страховому договору, весьма, впрочемъ, малочисленныхъ, то никто изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не пытается дать научное обоснованіе своему опредѣленію страхового договора: опредѣленія эти или совершенно произвольны, или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаются „сообразно существующимъ о немъ законоположеніямъ“, какъ выражается и поступаетъ, напр., Видинъ (стр. 7). Едва-ли нужно говорить, что подобный приѣмъ не выдерживаетъ научной критики.

1) Ср. Видинъ, стр. 6—7.

вещи ¹⁾). Изъ этого вытекаетъ, что страховой договоръ есть договоръ: а) *возмездный*, потому-что безвозмездное принатіе риска исключаетъ самое понятіе риска, превращая страховой договоръ въ дареніе, ибо рискъ есть одновременная возможность потери и выгоды ²⁾; б) *двухсторонній* ³⁾), ибо предполагаетъ права и обязанности на каждой изъ сторонъ: страхователь обязанъ платить премію и въ правѣ требовать возмѣщенія ущерба, причиненнаго несчастіемъ застрахованному предмету; а страховщикъ, будучи обязанъ возмѣстить этотъ ущербъ, въ правѣ требовать какъ уплаты условленной преміи, такъ и исполненія другихъ обязанностей, вытекающихъ изъ договора страхованія.

2. Страховщикъ отвѣчаетъ за такую гибель имущества, которая произойдетъ вслѣдствіе опредѣленнаго несчастнаго *случая*. Изъ этого, прежде всего, слѣдуетъ, что страховой договоръ принадлежитъ къ категоріи договоровъ *условныхъ*, — ибо обязательство страховщика поставлено подъ условіе наступленія опредѣленнаго несчастія, и именно несчастія случайнаго. Далѣе. То условное событіе, въ зависимость отъ наступленія котораго поставлено обязательство страховщика, должно быть: а) *событіемъ будущимъ* и *возможнымъ*; по этому, недѣйствительно страхованіе предмета уже погибшаго, хотя-бы обѣ стороны въ моментъ заключенія договора и не знали о его гибели ⁴⁾; б) *событіемъ*

1) Вишнѣвъ, стр. 9.

2) Степановъ, стр. 14; Вишнѣвъ, стр. 59.

3) Лицо, отдающее имущество на страхъ, называется *страхователемъ*, а берущее — *страховщикомъ*.

4) Степановъ, стр. 86; Contra: Мейеръ, стр. 549; Уст. Торг. ст. 546 п.п. 1 и 2. Германское законодательство сходно, въ этомъ отношеніи, съ нашимъ, ибо признаетъ, что страховой договоръ сохраняетъ полную силу, хотя-бы въ моментъ его заключенія страхуемый предметъ уже не существовалъ, — если только обѣ стороны находились въ добросовѣстномъ невѣдѣніи этого обстоятельства („Auf die gültigkeit des Versicherungsvertrags hat es Keinen Einfluss, dass zur Zeit des Abschlusses desselben die Möglichkeit des Eintritts eines zu ersetzenden Schadens schon ausgeschlossen, oder dass der zu ersetzende Schaden bereits eingetreten ist“. „Allgemeines deutsches Handelsgesetz-buch“, Art. 789). Того-же взгляда придерживаются законодательства фран-

случайнымъ, т. е. такимъ, которое не проистекаетъ отъ людской вины, — будь это вина умышленная, или неосторожная, вина самого страхователя, или третьего лица ¹⁾.

3. Страховой договоръ имѣетъ цѣлью *возмѣститъ физическую гибель* имущества; поэтому, страховщикъ отвѣчаетъ только за дѣйствительный вещественный ущербъ въ имуществѣ страхователя. Другими словами: а) страховщикъ отвѣтственъ лишь въ предѣлахъ *дѣйствительной стоимости* погибшаго предмета, — или, употребляя терминологию Римскаго права, только за *lucrum cessans*, но не за *damnum emergens*; принципъ этотъ выражается въ общепризнанномъ наукою и практикой афоризмѣ: страховой договоръ не долженъ служить средствомъ пріобрѣтенія, обогащенія для страхователя ²⁾; б) предметомъ страхового договора можетъ быть только *наличное* имущество, а не права требованія, потому-что потерять можно лишь то, что *дѣйствительно* существуетъ у даннаго лица, т. е. чѣмъ оно обладаетъ на правѣ собственности, а не то, что оно имѣетъ лишь надежду пріобрѣсти въ будущемъ; ибо охраненіе посредствомъ страхового договора правъ требованія превратило бы этотъ договоръ, изъ охранительнаго, въ способъ пріобрѣтенія ³⁾.

4. Страховой договоръ имѣетъ цѣлью снять съ собственника тотъ рискъ, который падаетъ на него въ силу правила: *casum sentit dominus*; а такъ-какъ объектомъ права собственности могутъ быть только физическія вещи, *res corporales*, то и пред-

кузское и англійское. См. Voigt: „Das deutsche Seeversicherungs-Recht. Commentar zu Buch 5 Titel 11 des Allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuchs und zu den „Allgemeinen Seeversicherungs-Bedingungen von 1867“. Iena, 1887, стр. 78—82.

1) Степановъ, стр. 97; Уст. Торг. ст. 571 и 572 п. 5; Contra: Мейеръ, стр. 549; Уст. Торг. ст. 539; Уставы всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ; Р. Г. К. Д. 79/157, 83/87 и др.

2) Степановъ, стр. 14; Р. Г. К. Д. 73/1232, 80/7, 80/40, 81/118 и др.

3) Степановъ, стр. 85; Contra: Вицинъ, стр. 23. На этомъ вопросѣ, въ которомъ высказанный мною взглядъ расходится съ господствующимъ въ наукѣ мнѣніемъ, я ниже (въ главѣ III) останавлиюсь подробно.

метомъ страхового договора могутъ быть лишь *физическія вещи*. Это явствуетъ также изъ того, что страховой договоръ не долженъ служить средствомъ пріобрѣтенія, а лишь средствомъ охраненія наличнаго имущества ¹⁾. То-же самое, собственно, говоритъ и ст. 2199 т. X, ч. I, по которой предметомъ страхованія могутъ быть: „корабль, товаръ, домъ или иное *движимое или недвижимое* имущество“, а подъ недвижимымъ, или движимымъ имуществомъ разумѣются, конечно только физическія вещи, а не права требованія ²⁾. Но дальнѣйшія постановленія нашего законодательства, равно-какъ законодательства всѣхъ странъ и господствующее въ наукѣ мнѣніе кореннымъ образомъ расходятся съ только-что сдѣланнымъ мною выводомъ, столь логически вытекающимъ изъ существа страхового договора. Поэтому, я ниже подробно останавлиюсь на этомъ вопросѣ (см. гл. III).

5. Страховщикъ принимаетъ на себя рискъ отъ опредѣленнаго *несчастнаго* случая. Такъ-какъ предметомъ страхового договора могутъ быть только вещи физическія, то подъ „несчастіемъ“ здѣсь нужно разумѣть виѣшнюю разрушительную силу, могущую причинить полную или частичную *физическую* гибель предмета ³⁾. Этимъ страховой договоръ рѣзко отграничивается отъ прочихъ условныхъ договоровъ, въ которыхъ въ роли условія (*conditio* въ техническомъ смыслѣ) является всякій фактъ, съ наступленіемъ (или даже ненаступленіемъ) котораго контрагенты произвольно, искусственно связали для себя извѣстныя, выгодныя или невыгодныя, имущественныя послѣдствія.

¹⁾ Степановъ, стр. 21; Contra: Мейеръ, стр. 549; Вицинь, стр. 7 и 23.

²⁾ Т. X, ч. I, ст. 384 и 401.

³⁾ Степановъ, стр. 20; Уст. Торг. ст. 539.

Глава II.

Лица, участвующія въ страховомъ договорѣ.

Всякій договоръ, въ томъ числѣ и страховой, есть соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ лицъ по поводу извѣстнаго предмета, которое порождаетъ право на чужое дѣйствіе, имѣющее имущественный интересъ ¹⁾. Поэтому, страховой договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующіе составные элементы: а) лицъ, участвующихъ въ договорѣ,—т. е. контрагентовъ; б) предметъ договора; в) цѣль (или причину) договора, т. е. то чужое дѣйствіе, право на которое порождается договоромъ, и д) согласіе сторонъ.

Въ настоящей главѣ я рассмотрю тѣ вопросы, которые касаются лицъ, участвующихъ въ страховомъ договорѣ, т. е. страхователя и страховщика.

Прежде всего: кто можетъ быть страхователемъ?

Само собою разумѣется, что страхователь долженъ обладать общей правоспособностью, необходимой для вступленія въ договоры вообще ²⁾. Что касается дѣеспособности, то тутъ возникаетъ

¹⁾ Ср. Мейеръ, стр. 382, 387—388.

²⁾ Уст. Торг. ст. 540. Г-нъ Вицинъ, соглашаясь съ тѣмъ, что для права быть страхователемъ требуется лишь общая, а не специально-торговая правоспособность, въ то-же время полагаетъ, что „если лицо не торговаго званія застраховываетъ имущество, имѣющее значеніе товара, то страхованіе *недѣйствительно*“; однако-же не потому, что оно заключается лицомъ неторговаго званія, а потому, что *предметъ договора не можетъ принадлежать страхователю*“ (стр. 10). Я считаю этотъ взглядъ рѣшительно-неправильнымъ: товаръ, какъ и всякое движимое имущество, считается собственностью того, кто имъ владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано; правда, право торговаго званія принадлежитъ лишь лицамъ, уплатившимъ тѣ пошлины и исполнившимъ тѣ требованія, которыя изложены въ „Положеніи о пошлинахъ за право торговли и промысловъ“; но нарушеніе этихъ требованій влечетъ за собой лишь денежный штрафъ (ст. 113 „Положенія“); собственникъ-же товара не перестаетъ, вслѣдствіе этого, быть собственникомъ, а потому можетъ и отдавать его на страхъ.

вопросъ: необходимъ-ли для страхователя возрастъ полного совершеннолѣтія (21 годъ), или-же достаточенъ 17-ти лѣтній возрастъ, предоставляющій право вступать въ управленіе имѣніемъ ¹⁾? По смыслу ст. 220 т. X, ч. 1, несовершеннолѣтній не имѣетъ права дѣлать долги и вступать въ такого рода обязательства, которыя-бы клонились къ *отчужденію* его имущества; но онъ въ правѣ *управлять* своимъ имуществомъ, т. е. совершать всѣ тѣ дѣйствія, которыя необходимы для рациональнаго и правильнаго завѣдыванія имуществомъ: получать отъ кого слѣдуетъ доходы съ этого имущества, продавать продукты хозяйства, нанимать и разсчитывать рабочихъ, прислугу, сторожей и т. п. ²⁾. Въ числу подобныхъ дѣйствій, несомнѣнно, относятся всѣ мѣры, направленныя къ охраненію имущества отъ дѣйствія разрушительныхъ силъ природы и, вообще, отъ несчастныхъ случаевъ; поэтому, отдача на страхъ имущества, какъ одна изъ мѣръ управленія онымъ, несомнѣнно входитъ въ кругъ тѣхъ дѣйствій, на которыя имѣетъ право несовершеннолѣтній, достигшій 17-ти лѣтъ ³⁾.

Но, конечно, общей право-и дѣеспособности еще недостаточно для того, чтобы имѣть право быть страхователемъ *даннаго* имущества. Изъ сдѣланнаго мною опредѣленія страхового договора

1) Т. X, ч. 1, ст. 220—222

2) Ср. Р. Г. К. Д. 69/321, 71/838 и др.

3) Степановъ, стр. 44. Справедливость подобнаго заключенія подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ, что, по смыслу ст. 220—222 т. X, ч. 1, несовершеннолѣтнему, въ сущности, не воспрещается вступать въ договоры: ему только дается *право*, привилегія оспаривать тѣ изъ заключенныхъ имъ договоровъ, которые клонятся къ его ущербу, которые налагаютъ на него невыгодныя обязательства. Но въ томъ случаѣ, когда самъ несовершеннолѣтній не оспариваетъ силы заключеннаго имъ договора, послѣдній остается въ силѣ, ибо соконтрагентъ его (совершеннолѣтній) лишенъ права опровергать заключенный имъ договоръ ссылкой на несовершеннолѣтіе другой стороны (Р. Г. К. Д. 71/1037 и др.). Поэтому, заключивъ страховой договоръ, несовершеннолѣтній имѣетъ полное право требовать по оному уплаты стоимости застрахованнаго имущества въ случаѣ его гибели отъ обусловленнаго несчастнаго случая. (Ср. Гордонъ, стр. 297).

является, что онъ есть передача риска, лежащаго на страхователѣ въ силу правила „*casum sentit dominus*“; слѣд., страхователь вещь можетъ только *собственникъ* ея (или-же его законный представитель), потому-что только собственникъ несетъ рискъ по вещи и, значить, только онъ одинъ и можетъ передать этотъ рискъ страховщику ¹⁾. Съ этимъ согласна и ст. 546 Уст. Торг., въ силу которой страхователь долженъ быть или полнымъ собственникомъ вещи, или имѣть „участіе“ въ ней, т. е. быть *сособственникомъ* ея ²⁾. Тѣмъ не менѣе, господствующее въ наукѣ мнѣніе, равно какъ и законодательство всѣхъ странъ, признаетъ право быть страхователемъ имущества за всякимъ, имѣющимъ какой-либо *интересъ* въ немъ; говорятъ: достаточно быть интересентомъ вещи, чтобы имѣть право отдавать ее на страхъ. Напр., Мейеръ выражается такъ: „страхователемъ чаще всего бываетъ собственникъ имущества... Но, точно также, имущество можетъ быть застраховано и каждымъ другимъ интересентомъ, напр. залогопринимателемъ, кредиторомъ несостоятельнаго должника, страховщикомъ и т. д.“ ³⁾. Что касается слова „интересъ“, то подъ нимъ разумѣютъ такое отношеніе лица къ вещи, при которомъ лицо имѣетъ выгоду отъ существованія данной вещи и терпитъ ущербъ отъ ея гибели ⁴⁾. Другими словами, интересъ отождествляютъ со всякимъ *имущественнымъ правомъ*, будетъ-ли то право собственности, право требованія, или,

1) Степановъ, стр. 49.

2) Что слово „участіе“ законъ разумѣетъ въ смыслѣ сособственности, это подтверждается точнымъ смысломъ ст. 222 Уст. Торг., а также ст. 545—549 т. X, ч. 1. Вицинь (стр. 15) ошибочно, по этому, придаетъ слову „участіе“ значеніе „интереса“.

3) Мейеръ, стр. 551; ср. также Вицинь, стр. 12—14; Н. G. B. Art. 783 und 809 (инициалами Н. G. B. я буду означать *Alegemeines deutsche Handelsgesetzbuch*“).

4) Степановъ, стр. 44, гдѣ приведено опредѣленіе интереса, данное англійскимъ судьей Лоренцомъ: „...by interest in a thing, every benefit and advantage arising out or depending on such thing may be considered as being comprehended“ („всякая выгода и польза, извлекаемая изъ вещи, или зависящая отъ существованія вещи“).

вообще, какое-бы то ни было обязательственное, или вещное право, осуществленіе котораго зависитъ отъ цѣлости извѣстнаго предмета. Напр., залогоприниматель есть интересентъ относительно принятаго имъ въ залогъ имущества, такъ-какъ съ существованіемъ послѣдняго связана для него возможность получить удовлетвореніе съ должника; арендаторъ есть интересентъ арендуемаго имъ имущества, такъ-какъ онъ извлекаетъ доходы изъ него, и т. п.

И такъ, по господствующему мнѣнію, залогоприниматель, какъ интересентъ, имѣетъ право застраховать *отъ своего имени* и за свой счетъ заложенный ему домъ. Чтобы показать несостоятельность этого взгляда съ точки зрѣнія юридической логики, предположимъ, что домъ этотъ сгораетъ: залогоприниматель не можетъ требовать отъ страховщика вознагражденія за домъ, такъ-какъ домъ не ему принадлежитъ и, слѣд., онъ его не терялъ; должникъ-залогодатель также не можетъ требовать этого вознагражденія, такъ-какъ онъ не участвовалъ въ страховомъ договорѣ, а, по коренному правилу обязательственного права, договоръ въ пользу неучаствующаго третьяго лица — недействителенъ¹⁾. Такимъ образомъ, допустить интересента, какъ такового, къ страхованію, равносильно допущенію возможности совершать договоры въ пользу третьихъ лицъ, въ нихъ неучаствовавшихъ. Правда, залогоприниматель можетъ заключить съ другимъ лицомъ договоръ, въ коомъ обяжетъ это лицо уплатить ему извѣстную, опредѣленную сумму денегъ въ случаѣ гибели дома отъ даннаго несчастія: но это ужъ будетъ не страховой договоръ, а обыкновенная условная сдѣлка. Страховой договоръ именно тѣмъ и отличается отъ прочихъ условныхъ сдѣлокъ, что въ немъ платится за погибшую вещь и, eo ipso, въ предѣлахъ дѣйствительной стоимости погибшаго; въ условной-же сдѣлкѣ платится опредѣленная, произвольно-назначенная сумма *подъ*

1) Res inter alios acta aliis nec prodest nec nocet.—Alteri stipulari nemo potest. Inst. III, 19 de inutil. stipulat.

условіемъ гибели вещи. Изъ этого-то кореннаго различія между страховымъ договоромъ и простой условной сдѣлкой и вытекаетъ то правило, признанное законодательствами всѣхъ странъ, что страховой договоръ не можетъ служить средствомъ обогащенія.

Ученые, допускающіе интересента къ роли страхователя, исходятъ часто изъ того положенія, что только лицо, имѣющее интересъ въ вещи, можетъ быть допущено къ страхованію ея, ибо если допустить къ страхованію данной вещи всякаго желающаго, то договоръ страхованія превратится въ ту азартную игру, которая именуется пари и которая воспрещается всѣми законодательствами ¹⁾. Совершенно вѣрно, что страховой договоръ не долженъ и не можетъ симулировать пари; но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что достаточно имѣть какой-либо интересъ въ вещи, чтобы получить право быть ея страхователемъ: для этого мало быть простымъ интересентомъ, — нужно быть *собственникомъ* вещи ²⁾.

Само собою разумѣется, что если собственникъ передалъ кому-либо рискъ по вещи, (т. е. застраховалъ ее), то онъ уже не можетъ вновь страховать ее, ибо страхованіе есть передача риска, а передавать то, чего уже не имѣешь, нельзя. Другими словами: *недѣйствительно двойное страхованіе* одной и той же вещи ³⁾. Но, конечно, страхованіе считается двойнымъ только въ томъ случаѣ, если второй страховой договоръ во *всѣхъ* составныхъ частяхъ сходенъ съ первымъ: въ предметѣ, срокѣ, страховой суммѣ и пр. ⁴⁾.

Съ другой стороны, недостаточно нести только рискъ по вещи, чтобы быть ея страхователемъ; напр., страховщикъ несомнѣнно несетъ рискъ по вещи, принятой имъ на страхъ, но

1) Викингъ, стр. 13—14, Voigt, стр. 40—41.

2) Ниже, въ главѣ III, я подробно останавлиюсь на этомъ вопросѣ.

3) Уст. Торг. ст. 582; Степановъ, стр. 49.

4) Ясно это выражено въ нѣмецкомъ законодательствѣ: „Wird ein Gegenstand, welcher bereits zum vollen Werthe versichert ist nochmal versichert, so hat die spätere Versicherung insoweit keine rechtliche Geltung, als der Gegenstand auf dieselbe Zeit und gegen dieselbe Gefahr bereits versichert ist (Doppelversicherung)*. Н. Г. В. Art. 792.

Handelsrechtssach

это еще не значитъ, что онъ имѣетъ право, съ своей стороны, отдать ее на страхъ, перестраховать ее. По крайней мѣрѣ, существо страхового договора не допускаетъ подобнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что страховщикъ перестраховалъ находящійся у него на страхъ домъ, и послѣдній сгораетъ: страховщикъ не вправе требовать отъ перестраховщика вознагражденія за сгорѣвшій домъ:—ни для себя, потому что домъ чужой и, слѣд., не онъ его потерялъ;—ни для собственника, потому что послѣдній является третьимъ лицомъ, не участвовавшимъ въ договорѣ. Такимъ образомъ, если страховщикъ желаетъ снять съ себя отвѣтственность по принятой имъ на страхъ вещи, то онъ можетъ сдѣлать это не путемъ перестрахованія, а путемъ *цессии*, т. е. обыкновенной уступки другому лицу своихъ правъ и обязательствъ по страховому договору ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ другому участнику страхового договора, — къ страховщику.

Страховщикъ, прежде всего, долженъ обладать общей право—и дѣеспособностью. Затѣмъ, если страховщикъ занимается принятіемъ на страхъ въ видѣ промысла, — что и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, — а не въ видѣ одиночнаго акта, то онъ долженъ обладать и специально-торговой правоспособностью: законъ обязываетъ его, въ этомъ случаѣ, записать соотвѣствующимъ документомъ на право торговли ²⁾. Спрашивается, какія послѣдствія наступаютъ въ томъ случаѣ, если страховщикъ, занимающійся принятіемъ на страхъ въ видѣ промысла, не обладаетъ торговой правоспособностью, не взявъ установленнаго документа на право торговли? влечетъ-ли это за собой *недѣйствительность* самаго страхового договора? Вицинъ ³⁾ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ; Степановъ тоже склоняется къ этому

¹⁾ Степановъ, стр. 49—50; Уст. Торг. ст. 583; Contra: Вицинъ стр. 37—38; Уставы взаимныхъ страх. о—въ; подробности см. ниже, глава III.

²⁾ Уст. Торг. ст. 542; Уст. Русск. § 30, Комм. § 28 и др. уставы.

³⁾ Вицинъ, стр. 20—21.

мнѣнію ¹⁾. Но, мнѣ кажется, врядъ-ли можно съ этимъ согласиться. Дѣло въ томъ, что относящаяся сюда ст. 542 Уст. Торг. имѣетъ чисто фискальный характеръ: она обязываетъ страховыя конторы „брать, соотвѣтственно складочному своему капиталу, надлежащія торговыя свидѣтельства“; несоблюденіе этого требованія влечетъ за собой, по моему мнѣнію, лишь тѣ послѣдствія, которыя изложены въ ст. 113 „Положенія о пошл. за право торг. и др. промысловъ“ (т. XI, ч. 2 Уст. Торг. Приложеніе къ Примѣч. къ ст. I по прод.), т. е. обязанность взять установленное свидѣтельство и, сверхъ того, уплатить денежный штрафъ не выше тройной платы, за то свидѣтельство опредѣленной. Но договоръ страхованія остается, очевидно, въ своей силѣ.

Страховщикомъ можетъ быть какъ отдѣльное физическое лицо, такъ и лицо юридическое; обыкновенно-же имъ бываетъ лицо юридическое, въ формѣ акціонернаго страховаго общества. Объясняется это тѣмъ, что принятіе на страхъ, по самому существу своему, возможно лишь тогда, когда ведется *en grand*,—когда, слѣдовательно, отдѣльные несчастные случаи теряютъ свой исключительный характеръ, пріобрѣтаютъ извѣстную опредѣленность и устойчивость, дѣлающія возможнымъ измѣреніе и расчетъ. ²⁾ По-

1) Степановъ, стр. 36—37.

2) Та-же самая цѣль могла-бы достигаться и тою формою страхованія, которая носитъ названіе *взаимнаго* и которое, ничѣмъ не отличаясь въ своемъ существѣ отъ промышленнаго страхованія, имѣетъ предъ послѣднимъ то важное преимущество, что весь барышъ страховщика поступаетъ въ пользу самихъ страхователей. Тѣмъ не менѣе, общества и учрежденія взаимнаго страхованія, сравнительно, мало распространены, ибо предполагаютъ большую общественную солидарность, чѣмъ та, которая господствуетъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, построенномъ на принципѣ личной инициативы и свободы конкуренціи. Кромѣ того, развитіе обществъ и учреждений взаимнаго страхованія парализуется ихъ полною изолированностью другъ отъ друга, при которой районъ дѣйствія каждаго изъ нихъ слишкомъ тѣсенъ и, слѣд., рискъ по принимаемымъ на страхъ имуществамъ слишкомъ великъ. Наше взаимное страхованіе, какъ частное городское, такъ и обязательное земско-губернское, получило-бы мощное и благотѣльное развитіе, если-бы Государство взяло на себя столь свойственную ему роль объединителя, либо

этому, я разсмотрю здѣсь подробнѣе тѣ условія, которыми нашъ законъ обставляетъ дѣятельность юридическихъ лицъ вообще и, въ частности, акціонерныхъ компаній.

Акціонерныя компаніи (какъ и всякое юридическое лицо) учреждаются не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія, ¹⁾ и дѣйствуютъ на основаніи и въ предѣлахъ даннаго каждой изъ нихъ Устава, Высочайше утверждённаго. ²⁾ Въ виду этого, въ практикѣ возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ: имѣютъ-ли уставы страховыхъ обществъ, какъ акты, утвержденныя Верховною властью, *силу закона*, т. е. обязательны-ли они для третьихъ лицъ, или-же сила ихъ ограничивается членами даннаго страхового общества?

Прежде всего, мы должны сказать, что Верховная власть дѣйствуетъ не только въ законодательномъ порядкѣ, но и въ административномъ; — слѣд., не всякій актъ Верховной власти есть законъ. Напротивъ того, закономъ называется лишь такое, исходящее отъ Верховной власти, правило, которое устанавливаетъ права ³⁾. Далѣе. Издавая законъ, законодательная власть не спрашиваетъ ни у кого согласія: всѣ подданные обязаны исполнять

устроивъ союзъ всѣхъ обществъ и учрежденій городского и земско-губернскаго взаимнаго страхованія, либо, еще лучше, учредивъ отъ себя одно центральное учрежденіе Государственнаго Перестрахованія всѣхъ имуществъ, принятыхъ на страхъ какъ городскими обществами взаимнаго страхованія, такъ и учрежденіями взаимнаго земскаго и губернскаго страхованія. Комиссія, учрежденная нынѣ подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. фонъ-Плеве для улучшенія страхового дѣла въ Россіи, имѣетъ предъ собою, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно-благодарную, великую задачу. — Ср. Вицынъ, стр. 22—23.

1) Т. X, ч. 1, ст. 2131. Въ силу Примѣч. I (по Прол. 1876 г.) къ ст. 2139 т. X, ч. 1., Министру Иностранныхъ Дѣлъ предоставлено право заключать, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, конвенціи съ иностранными державами о предоставленіи иностраннымъ акціонернымъ компаніямъ и другимъ торгово-промышленнымъ товариществамъ, законно-учрежденнымъ за границей, правъ юридического лица въ Россіи, подъ условіемъ взаимности. Въ этихъ случаяхъ, не требуется санкціи нашей Законодательной власти. Ср. Р. Г. К. Д. ^{83/44} и ^{84/79}.

2) Т. X, ч. 1, ст. 2153.

3) Мейеръ, стр. 20.

законъ, — правится-ли онъ имъ или нѣтъ, совпадаетъ-ли онъ съ ихъ интересами, или не совпадаетъ. Не то мы видимъ при утвержденіи Устава акціонернаго общества: проектъ устава редактируется и подписывается *учредителями* общества ¹⁾, и, затѣмъ, если законодатель, предварительнаго утвержденія этого Устава, пожелаетъ сдѣлать въ немъ какія-либо измѣненія, то онъ долженъ получить на это *согласіе* учредителей; наконецъ, и послѣ утвержденія Устава Верховною властью, онъ, до обнародованія и приведенія въ дѣйствіе, вновь подписывается учредителями ²⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что сила Устава кроется не въ утвержденіи его Верховною властью, а въ томъ, что онъ есть продуктъ соглашенія членовъ-учредителей; а всякое соглашеніе, всякій договоръ обязательны лишь для лицъ, въ немъ участвовавшихъ, а не для третьихъ лицъ ³⁾. Что Уставъ всякаго торгово-промышленнаго общества есть не болѣе, какъ договоръ его членовъ, это какъ нельзя яснѣе подтверждается ст. 2192, т. X, ч. 1: „какъ всякое товарищество и компанія образуются посредствомъ *договоровъ*, то къ составу ихъ прилагаются всѣ общія правила о составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ, изложенныя выше сего въ раздѣлѣ I сей книги. Условія, положенія и постановленія товарищества ограждаются законами, если *они имъ не противны* и не клонятся ко вреду, ущербу или убытку для общаго блага“. Изъ смысла этой статьи очевидно, что уставы торгово-промышленныхъ обществъ не только не суть законы, но, подобно всякому договору, они поставлены *подъ охрану* закона, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не были противны тѣмъ его постановленіямъ, которыя носятъ въ наукѣ названіе принудительныхъ ⁴⁾. Но, скажутъ, для чего-же требуется утверж-

1) А не подлежащимъ Министерствомъ или Главнымъ Управленіемъ, какъ это установлено для законо-проектовъ.

2) Т. X, ч. 1, ст. 2189—2198.

3) Res inter alios acta aliis nec prodest, nec nocet. Ср. Степановъ, стр. 39—42.

4) Въ противоположность дозволеннымъ. Ср. Мейеръ, стр. 22. То-же самое постановляетъ и для всѣхъ вообще договоровъ ст. 1528 т. X, ч. 1.

деніе этихъ уставовъ Верховною властью? Отвѣтъ: для того, чтобы общество, какъ юридическое лицо, могло, во 1-хъ, возникнуть,—я уже объяснилъ, что никакое юридическое лицо не можетъ возникнуть безъ разрѣшенія Верховной власти¹⁾; а, во 2-хъ, чтобы это общество могло существовать и дѣйствовать, такъ-какъ оно, въ качествѣ юридическаго лица, должно, для своего существованія, пользоваться извѣстными правами, обладать извѣстной право—и дѣеспособностью въ сферѣ гражданскаго оборота, а права даруются только Верховною властью.

И такъ, только та часть Устава торгово-промышленнаго общества имѣетъ силу закона, для всѣхъ обязательнаго, которая содержитъ въ себѣ постановленія о правахъ общества, какъ юридическаго лица. Остальныя-же постановленія Устава, содержащія въ себѣ правила, по которымъ общество дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ, представляютъ собою не законъ, а простой договоръ между членами общества, не обязательный для третьихъ лицъ до тѣхъ поръ, пока они *explicite* не выразятъ своего согласія на принятіе его²⁾. Такимъ образомъ, для страхователя не обязательенъ Уставъ страховаго общества,—для него обязательны лишь тѣ правила, которыя значатся въ актѣ заключеннаго имъ страховаго договора, именуемомъ *полисомъ*³⁾.

Выше мы видѣли, что страхователемъ и страховщикомъ можетъ быть всякое лицо, обладающее общему право—и дѣеспособ-

1) Мейеръ, стр. 86—87.

2) Утверждая эти послѣднія правила, Верховная власть дѣйствуетъ въ порядкѣ *административномъ*, а не законодательномъ.

3) Степановъ стр. 43—44; Contra: Р. Г. К. Д. 78/⁹⁴, 78/¹⁹⁶, 80/¹⁵, 84/¹¹³ и др. Въ этихъ рѣшеніяхъ Сенатъ послѣдовательно проводитъ тотъ принципъ, что Уставъ каждаго страховаго общества имѣетъ силу спеціальнаго закона по дѣламъ этого общества, и что детальныя условія страхованія, утвержденныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и обозначенныя въ полисныхъ бланкахъ (*полисныхъ условія*) имѣютъ также силу закона. Согласно съ этимъ, Сенатъ считаетъ всякое неправильное толкованіе какого-либо изъ параграфовъ Устава страховыхъ обществъ основаніемъ для отрицанія рѣшенія въ *кассационномъ* порядкѣ, по ст. 793 п. 1, Уст. Гражд. Суд.

способностью. Такими правоспособными лицами надо считать и иностранцевъ, такъ-какъ современное международное право признаетъ гражданско-правовое равноправіе иностранцевъ съ туземными подданными, считая тѣхъ и другихъ членами одного и того-же Европейскаго международнаго союза ¹⁾). Поэтому, всякое ограниченіе въ правахъ иностранцевъ должно быть, во-первыхъ, точно обозначено въ законѣ и, во-вторыхъ, не подлежить распространительному толкованію (подобно всякому ограничительному закону). Наше законодательство признаетъ за иностранцами равное съ русскими подданными право быть страхователями и страховщиками ²⁾, допуская въ этомъ отношеніи лишь два изыятія. Во-первыхъ, иностранныя страховыя общества обязаны испросить предварительное разрѣшеніе Россійскаго Правительства на право производить свои операціи въ Россіи ³⁾. Это ограниченіе, впрочемъ, само собою разумѣется, и не нуждалось въ специальномъ постановленіи закона, такъ-какъ, по общимъ началамъ права, всякое страховое общество, въ качествѣ юридическаго лица, нуждается для своего бытія въ разрѣшеніи Верховной власти,— и именно Верховной власти того государства, въ предѣлахъ котораго оно желаетъ имѣть это бытіе ⁴⁾.—Во-вторыхъ, недвижимыя имущества, въ предѣлахъ Россіи находящіяся, дозволяется страховывать въ иностранныхъ страховыхъ обществахъ только въ томъ случаѣ, если русскія страховыя отъ огня общества или вовсе откажутся отъ пріема ихъ на страхъ, или потребуютъ страховой

1) Гейфтеръ: „Европейское Международное Право“, пер. бар. К. Таубе стр. 15 и 123.

2) Уст. Тор. ст. 540. О страхованіи непріятельскаго имущества см. ниже, глава III.

3) Уст. Торг. ст. 540 Примѣч.: см. цитированное выше Примѣч. I (по прод. 1876 г.) къ ст. 2139 т. X, ч. 1.

4) Этими юридическія лица, какъ лица искусственныя, фигурированныя, разнятся отъ лицъ физическихъ, которыя, въ силу факта самого рожденія, пользуются признаніемъ своей правоспособности не только въ предѣлахъ своего отечества, но и на всемъ пространствѣ современнаго международнаго общенія.

преїи въ размѣрѣ, превышающемъ два съ половиною процента стоимости имущества ¹⁾). Но это ограниченіе носить, очевидно, чисто-полицейскій характеръ, будучи вызвано стремленіемъ оказывать покровительство отечественной промышленности.

Какъ я выше объяснилъ, страхователемъ можетъ быть только собственникъ, или его законный представитель. Остановлюсь подробнѣе на вопросѣ о представительствѣ въ страховомъ договорѣ.

Какъ извѣстно, право быть представителемъ даннаго лица, физическаго или юридическаго, поконится, вообще, на одномъ изъ слѣдующихъ четырехъ основаній: а) на законѣ; б) на устройствѣ юридическаго лица; в) на предварительномъ полномочіи; и д) на послѣдующемъ согласіи (ратификація).

Такъ, опекунъ есть законный представитель опекаемаго и, въ качествѣ такового, обязанъ и, слѣдовательно, имѣетъ право принимать всѣ мѣры къ сохраненію и правильному управленію имуществомъ опекаемаго ²⁾; въ ряду этихъ мѣръ, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ застрахованіе этого имущества.

Что касается юридическаго лица, то оно, по самому существу своему, будучи лицомъ фингированнымъ, отвлеченнымъ, и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ представителя, при чемъ лицо представителя и свойство его полномочій опредѣляются каждый разъ въ томъ актѣ Верховой власти, коимъ данное юридическое лицо призвано къ существованію ³⁾.

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о предварительномъ полномочіи на совершеніе страховаго договора. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что, по нашему законодательству, оно должно быть непременно письменное ⁴⁾: такова *буква* закона. Но, имѣя кажетъ-

¹⁾ Т. X, ч. 1, ст. 2199, Примѣч. по прох. 1876 г.

²⁾ Т. X, ч. 1, ст. 262 п. 2., 268—270.

³⁾ Такъ, органами нашихъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ служатъ Правленія, состоящія изъ извѣстнаго количества выборныхъ директоровъ: Уст. Русск. § 12, Коммерч. §§ 11 и 15 и др.

⁴⁾ Уст. Торг. ст. 561; т. X, ч. 1, ст. 2308. Выписъ (стр. 16) также склоняется къ нашему мнѣнію.

ся, врядъ-ли возможно, въ данномъ случаѣ, придерживаться строго этой буквы; по крайней мѣрѣ, ни юридическая логика, ни живые интересы общества не оправдываютъ такого бездушнаго формализма. Если, въ какомъ-нибудь случаѣ, предварительное полномочіе на совершеніе договора несомнѣнно явствуетъ изъ какихъ-либо фактовъ, то возможно-ли отвергать его существованіе на томъ только основаніи, что уполномоченный, заключившій этотъ договоръ, не имѣлъ письменной довѣренности? Лучшимъ доказательствомъ того, что жизненные требованія не совмѣстимы съ подобнымъ формализмомъ *an und für sich*, служить кассационная практика нашего Сената, который въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ (напр. ⁷³/₈) прямо призналъ, что уполномочіе можетъ быть доказываемо *всякими фактами*, а не непременно формальной довѣренностью ¹⁾. Уполномочіе можетъ быть даже *молчаливое* (*mandatum tacitum*), — именно въ томъ случаѣ, когда довѣритель хотя и не выразилъ явно, *explicite*, своей воли на то, чтобы данное лицо было его представителемъ, но воля эта можетъ быть выведена изъ фактовъ, изъ дѣйствій довѣрителя, изъ взаимныхъ отношеній его и представителя; напр., А вручаетъ В платежную росписку, въ которой сказано, что онъ А получилъ отъ С сполна весь долгъ по такому-то обязательству послѣдняго (С); очевидно, что врученіе этой платежной росписки лицу В прямо указываетъ на то, что А уполномочилъ В получить долгъ съ С; такъ-что, если С уплатитъ должную имъ А сумму лицу В, то наступать вѣ юридическія послѣдствія платежа (*solutio*), совершенно также, какъ если-бы В обладалъ формальною довѣренностью отъ А на полученіе долга съ С. Къ такому-же взгляду, повторяю, склоняется и нашъ Сенатъ ²⁾.

Отсталость нашего законодательства въ вопросѣ о представительствѣ рельефно выступаетъ при сравненіи его съ западно-

¹⁾ Ср. А. Гордонъ, *op. cit.*, стр. 186.

²⁾ Гордонъ, стр. 228. Примѣч. Именно, Сенатъ говоритъ: „Судъ не можетъ не обращать вниманія на то обстоятельство, имѣло-ли третье лицо какія-либо основанія для признанія своего контрагента имѣющимъ право на

европейскими кодексами. Такъ, въ германскомъ правѣ прямо сказано, что предварительное полномочіе можетъ быть выражено въ любой формѣ, какъ письменной, такъ словесной и молчаливой (*mandatum tacitum*): представитель долженъ лишь заявить, что онъ совершаетъ страхование „за чужой счетъ“ (*für fremde Rechnung*) или „за счетъ кого слѣдуетъ“ (*für Rechnung wehn es angeht*); при отсутствіи послѣдней оговорки, договоръ считается заключеннымъ за счетъ самаго представителя ¹⁾. Такія-же постановленія находимъ и въ кодексахъ французскомъ (допускающемъ страхование „*pour compte d'un tiers à nommer*“, или даже просто „*pour compte*“) ²⁾ и англійскомъ, въ которомъ установлена слѣдующая формула полиса: „*as well in my own name as for and in the name and names of all and every other person or persons, to whom it does, may or shall appertain*“ ³⁾.

заключеніе извѣстной сдѣлки отъ имени своего довѣрителя, а это обстоятельство можетъ быть установлено не на основаніи только формально совершенной доверенности, а по всемъ тѣмъ представленнымъ къ дѣлу доказательствамъ, изъ коихъ можно съ несомнѣнностью заключить, что въ данномъ случаѣ повѣренный поставленъ былъ, по волѣ своего довѣрителя, или съ вѣдома его, въ такое положеніе, которое давало третьему лицу поводъ заключать о существованіи уполномочія его на совершеніе извѣстнаго рода дѣйствій“.

1) Н. G. B. art. 785. При этомъ, если договоръ страхованія заключается „за чужой счетъ“, то заключающій его, если не имѣетъ предварительнаго полномочія интересента, обязанъ указать страховщику на отсутствіе этого полномочія, — иначе договоръ недействителенъ для страховщика. См. Н. G. B. art. 786: „*Die Versicherung für fremde Rechnung ist für den Versicherer nur dann verbindlich, wenn entweder der Versicherungsnehmer zur Eingehung derselben von dem Versicherten (sei es ausdrücklich, sei es den Umständen nach stillschweigend) beauftragt war, oder wenn der Mangel eines solchen Auftrags von dem Versicherungsnehmer bei dem Abschluss des Vertrags dem Versicherer angezeigt wird. Ist die Anzeige unterlassen, so Kann der Mangel des Auftrags dadurch nicht ersetzt werden, dass der Versicherte die Versicherung nachträglich benehmt*“.

2) Voigt, стр. 28—29 и 32.

3) т. е. „какъ отъ моего собственнаго имени (подразумѣвается: отъ меня на страхъ), такъ и отъ имени и за счетъ всякаго другаго лица или лицъ, которыя являются, могутъ явиться или явятся интересентами“. Voigt, стр. 34. По англійскому праву, договоръ страхованія долженъ быть облеченъ непременно въ письменную форму полиса.

Затѣмъ, еще одинъ вопросъ: имѣтъ-ли право торговый коммисіонеръ застраховать *отъ своего имени* находящіеся въ его распоряженіи товары своего довѣрителя, или-же обязанъ объявить страховщику, при самомъ заключеніи договора, что товары эти чужіе? Такъ-какъ для страховщика далеко не безразлично, кто является дѣйствительнымъ хозяиномъ имущества, отдаваемого на страхъ ¹⁾, то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что коммисіонеръ обязанъ, во всякомъ случаѣ, объявить что отдаваемые на страхъ товары принадлежать не ему; при умолчаніи-же о такомъ обстоятельстве, договоръ долженъ считаться недѣйствительнымъ для страховщика ²⁾. Такъ смотрятъ на это дѣло и уставы нашихъ страховыхъ обществъ ³⁾.—Что касается вопроса о томъ, имѣтъ-ли право повѣренный, обладающій общею довѣренностью на управленіе имѣніемъ,—будетъ-ли то обыкновенный управляющій имѣніемъ, или торговый приказчикъ и коммисіонеръ,—отдавать на страхъ ввѣренное ему имущество, или-же онъ нуждается для этого въ специальномъ полномочіи отъ своего довѣрителя, то врядъ-ли возможно какое-либо сомнѣніе на этотъ счетъ: страхованіе есть одна изъ мѣръ управленія имуществомъ, а потому довѣренность на управленіе заключаетъ въ себѣ, eo ipso, и полномочіе отдавать на страхъ это имущество ⁴⁾. Напр. наше законодательство такъ формулируетъ права, вытекающія изъ торговой довѣренности: „Общею довѣренностью предоставляется повѣренному, приказчику или коммисіонеру, въ продолженіе извѣстнаго, опредѣленнаго въ ней срока, *вообще отправлять торговля дѣла вѣрителя и входить во всѣ съ оными сопряженныя отношенія*“ ⁵⁾ и еще: „Всякая довѣренность, данная въ общихъ выраженіяхъ и безъ опредѣленія условій, также качества и количества товаровъ, предостав-

1) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, глава IV.

2) Ср. Voigt, стр. 38.

3) Русск. § 79 п. 2., Коммерч. § 74 п. 2. и др.

4) Степановъ, стр. 63.

5) Уст. Торг. ст. 44.

ляетъ повѣренному, приказчику или комиссіонеру право *дѣйствовать въ такихъ случаяхъ по собственному своему усмотрѣнію*, и называется полною или неограниченною довѣренностью ¹⁾.

Наконецъ, какъ я сказалъ, страховой договоръ (подобно всякому другому) можетъ быть заключенъ безъ предварительнаго полномочія и, все-таки, имѣть силу, если получится послѣдующее согласіе, ратификація представляемаго. Дѣйствительно, въ жизни очень часто случается, что собственникъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ (отсутствіе, болѣзнь и т. п.), не можетъ принять мѣръ къ предотвращенію убытковъ, грозящихъ его имуществу, или-же рискуетъ лишиться извѣстнаго барыша, дохода; если, въ подобныхъ случаяхъ, постороннее лицо, движимое чувствомъ человеколюбія и любви къ ближнему, вмѣшается, по собственному побужденію и произволу, въ дѣла хозяина этого имущества для предотвращенія грозящихъ послѣднему убытковъ, или для спасенія ускользающей прибыли, то очевидно, что за дѣйствіями этого лица нельзя не признать извѣстныхъ юридическихъ послѣдствій; отрицать послѣднія, значило-бы игнорировать насущныя житейскія потребности, живой голосъ правды и справедливости,—приносить ихъ въ жертву жертвому формализму. Эти-то соображенія призвали еще въ римскомъ правѣ къ жизни институтъ *negotiorum gestio*, получившій примѣненіе и въ нашей практикѣ и юридическомъ быту, подъ удачнымъ именемъ *фактическаго представительства* ²⁾. Въ силу вышеизложеннаго, если фактическій представитель (*negotiorum gestor*) заключить отъ имени хозяина (*dominus negotii*) какой-либо договоръ съ третьимъ лицомъ, то этотъ договоръ получаетъ обязательную силу какъ для лица представляемаго (*dominus ne-*

¹⁾ Уст. Торг. ст. 45.

²⁾ Терминъ этотъ введенъ Г. Гордономъ, авторомъ цитированной выше прекрасной монографіи. Начала фактическаго представительства признаны въ цѣломъ рядъ кассационныхъ рѣшеній нашего Сената, напр. 79/78 и др. Подробности см. Гордона, стр. 151—176.

gotii), такъ и для его отношеній къ третьему лицу въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ согласіе, ратигабиція, представляемого: *ratihabitio mandato comparatur*¹⁾. И на оборотъ: если ратигабиціи не послѣдуетъ, то договоръ между представляемымъ и третьимъ лицомъ, считается несостоявшимся и не имѣетъ никакой силы²⁾. Ратигабиція можетъ быть явная (словесная, или письменная) и подразумѣваемая, фактическая, — когда она явствуется изъ дѣйствій представляемого, напр. когда послѣдній присваиваетъ себѣ результаты дѣятельности фактическаго представителя³⁾. При примѣненіи началъ фактическаго представительства къ договору страхованія, является спорнымъ лишь одинъ вопросъ: до какого момента лицо представляемое можетъ откладывать свою ратигабицію, — т. е. имѣетъ-ли силу ратигабиція, данная уже послѣ воспослѣдованія того несчастія, которое обусловлено въ страховомъ договорѣ? Многіе писатели отвѣчаютъ отрицательно на этотъ вопросъ, на томъ основаніи, что утвердительный отвѣтъ могъ-бы, по ихъ мнѣнію, подать поводъ къ злоупотребленію со стороны представляемого: послѣдній, именно, откладывалъ-бы свою ратигабицію до наступленія обусловленнаго въ страховомъ договорѣ несчастія, такъ-что онъ уплачивалъ-бы страховую премію, собственно, взамѣнъ страховой суммы, и не платилъ-бы вовсе преміи, если-бы несчастіе не послѣдовало⁴⁾. Но возраженіе это мнѣ кажется мало-основательнымъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь вполне умѣстно установить юридическое предположеніе (презумпцію) въ пользу того, что ратигабиція всегда существуетъ въ случаѣ воспослѣдованія обусловленнаго въ страховомъ договорѣ несчастія⁵⁾; такъ-что на обязанности *страхов-*

1) Z. XII § 4 de solut.

2) Третье лицо, равно-какъ и представитель, сохраняютъ лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ право требовать отъ лица представляемого всего того, чѣмъ онъ неправильно обогатился, — въ силу *actio de in rem verso*.

3) Гордонъ, стр. 163.

4) Степановъ, стр. 66; Вицинъ, стр. 17.

5) Такого взгляда держаться, напр., Voigt, Alauzet и др. См. Voigt, стр. 48—49. Нѣмцкое законодательство прямо устанавливаетъ такую презумпцію: „... wird die Verbindlichkeit des Versicherers als fortbestehend behandelt,

ника лежитъ уже доказать, что представляемый, до момента несчастія, выражалъ *неодобрение* страховому договору, заключенному его фактическимъ представителемъ. Такая презумпція тѣмъ умѣстнѣе, что допускается-же всеми писателями справедливость противоположнаго предположенія въ пользу страховщика о томъ, что, если застрахованный предметъ не подвергся опасности, то ратификація страхователя предполагается, пока послѣдній не докажетъ противоположнаго, т. е. что онъ узналъ о цѣлости застрахованнаго предмета уже послѣ выраженного имъ несогласія ¹⁾. И такъ, ратификація страхователя всегда *предполагается*, пока противное не будетъ доказано.—Что касается постановленій нашего законодательства по вопросу о фактическомъ представительствѣ въ договорѣ страхования, то ст. 546 п. 1. Уст. Торг. требуетъ непременно *предварительнаго* полномочія отъ собственника отдаваемой на страхъ вещи. Но такъ-какъ ратификація нисколько не противорѣчитъ началамъ договорнаго права ²⁾ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдывается насущными потребностями жизни, то, прежде всего, это ограничительное постановленіе ст. 546 не должно быть толкуемо распространительно, т. е. сила его не должна распространяться на договоры континентальнаго страхования. Мало того: вліяніе жизненныхъ потребностей такъ могущественно, что эта 546 ст., требующая предварительнаго полномочія, почти никогда не примѣняется у насъ на практикѣ ³⁾. Дѣло въ томъ, что на практикѣ имя страхователя въ полисѣ обыкновенно не означаетъ, —страхованіе совершается „за счетъ кого слѣдуетъ“, т. е. за счетъ того, кто въ моментъ несчастія будетъ собственникомъ (или интересентомъ) застрахованнаго имущества; такъ-что заключающій договоръ страхова-

wenngleich eine nachträgliche Genchmigung des Vertrags seitens des Versicherten schon hätte erfolgt sein können, aber noch nicht erfolgt ist“.
(H. G. B. Art. 786).

1) Вишнѣвъ, стр. 17; Степановъ, стр. 66.

2) Мейеръ, стр. 399—400; Гордонъ, стр. 246.

3) Вишнѣвъ, стр. 66—67.

тель ¹⁾), — если только онъ въ моментъ несчастія не окажется собственникомъ застрахованнаго имущества, — считается фактическимъ представителемъ всякаго лица, которое къ этому моменту окажется собственникомъ застрахованнаго имущества (если только, конечно, послѣдуетъ ратигабиція этого лица). — Само собою разумѣется, что ратигабиція можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если постороннее лицо отдаетъ на страхъ чужую вещь *отъ имени собственника*, если же оно совершаетъ страховой договоръ отъ своего собственного имени, то ратигабиція немыслима ²⁾), такъ-какъ собственникъ является въ послѣднемъ случаѣ лицомъ совершенно стороннимъ, вслѣдствіе чего подобный договоръ будетъ не дѣйствителенъ, ибо представляетъ собою страхование чужой вещи.

Интересный примѣръ факческаго представительства при страховомъ договорѣ представляетъ, въ нашей судебной практикѣ, дѣло Дейтера съ Васильевымъ, заключающееся въ слѣдующемъ ³⁾). Четыремъ братьямъ Дейтерамъ (Константину, Иосифу, Александру и Егору) принадлежала закладная на домъ третьяго лица. Первые три брата передали свои права по закладной нѣкому Васильеву, который застраховалъ заложенный домъ *въ полной стоимости*. Домъ сгорѣлъ и Васильевъ получилъ отъ страхового общества *сполна* всю страховую сумму.

Тогда Егоръ Дейтеръ, не уступившій Васильеву своихъ правъ по закладной, предъявилъ искъ о взысканіи съ Васильева причитающейся на его долю части страховой суммы. Окружный судъ призналъ этотъ искъ правильнымъ; но Судебная Палата отмѣнила рѣшеніе Окружнаго суда на томъ основаніи, что „по смыслу 2199 ст. I. ч. X. т., вознагражденіе страховымъ обществомъ за понесенные убытки можетъ послѣдовать лишь подѣ условіемъ

1) Нѣмцы называютъ его Versicherungsnehmer, — въ противоположность дѣйствительному интересенту, der Versicherte, коего представителемъ первый является. Къ сожалѣнію, въ нашемъ языкѣ нѣтъ подходящаго термина.

2) Ratum quis habere non potest quod ipsius nomine destum non est. Ср. Гордонъ, стр. 376.

3) Гордонъ, стр. 205.

внесенія страховой преміи, въ которой въ данномъ случаѣ, *Егоръ Дейтеръ не участвовалъ*“. Да, Егоръ Дейтеръ не платилъ страховой преміи,—ее платилъ Васильевъ; но уплачивая премію и за ту долю стоимости дома, въ цѣлости которой былъ заинтересованъ лишь Егоръ Дейтеръ, а не Васильевъ,—последній, очевидно, дѣйствовалъ въ интересъ Дейтера, вслѣдствіе чего онъ долженъ считаться фактическимъ представителемъ Дейтера. Вотъ почему искъ Дейтера представляется мнѣ вполне правильнымъ. Столь-же правильнымъ представляется рѣшеніе нашего Сената по другому дѣлу, въ которомъ Сенатъ призналъ, что „соучастникъ нераздѣльнаго имѣнія въ правѣ застраховать *все* имѣніе, но страховое вознагражденіе принадлежитъ не ему исключительно, а *всѣмъ соучастникамъ*, соразмѣрно ихъ долямъ, *хотя бы эти соучастники и не участвовали ни въ договоръ страхованія, ни въ уплату преміи*; за уплату-же преміи за ихъ доли они обязаны вознаградить соучастника, уплатившаго всю премію“ ¹⁾. Очевидно, что этотъ соучастникъ дѣйствовалъ въ качествѣ фактическаго представителя прочихъ собственников.

¹⁾ Р. Г. К. Д. 80/7.

Глава III.

Предметъ страхового договора.

Необходимо отличать *предметъ* страхового договора отъ его *цѣли*, т. е. отъ тѣхъ результатовъ, послѣдствій, источникомъ которыхъ является договоръ. Предметомъ договора называется тотъ предметъ, по поводу котораго состоялось соглашеніе контрагентовъ; а цѣлью договора будетъ то чужое дѣйствіе, право на которое рождается договоромъ. Такъ, въ договорѣ найма дома, предметомъ договора будетъ домъ, а цѣлью—передача дома для условленнаго пользованія наемщику съ одной стороны, а съ другой—платежъ условленной наемной платы ¹⁾.

Понимая предметъ договора въ означенномъ смыслѣ, мы должны сказать, что предметомъ страхового договора является тотъ предметъ, который отдается на страхъ,—т. е. *физическая вещь* ²⁾. Противъ этого господствующее мнѣніе возражаетъ, что предметомъ страхового договора является всегда не столько сама вещь, отдаваемая на страхъ, сколько имущественный *интересъ*, съ нею связанный,—разумѣя подъ интересомъ то отношеніе лица къ вещи, при которомъ лицо, съ одной стороны, получаетъ выгоду отъ вещи. или по поводу существованія вещи, а съ другой—терпитъ убытокъ отъ гибели ея или по поводу этой гибели ³⁾. Понимаемый въ такомъ смыслѣ, интересъ есть *возможность* получить (или не получить) выгоду отъ вещи, или по

¹⁾ Понятія эти часто смѣшиваются; напр., Мейеръ считаетъ, въ одномъ мѣстѣ, предметомъ, договора чужое дѣйствіе, право на которое рождается договоромъ (стр. 383), а въ другомъ—тотъ предметъ, по поводу котораго заключенъ договоръ (стр. 387).

²⁾ Ст. 2199 т. X, ч. 1 и ст. 538 Уст. Торг. Contra: Уст. Торг. ст. 543 пп. 3, 4, 6 и 7; Мейеръ, стр. 546; Вицынъ. стр. 14; уставы нашихъ страховыхъ обществъ; законодательства всѣхъ странъ. Напр., нѣмецкое право выражается такъ: „Iedes in geld schätzbare Interesse, welches Iemand daran hat, dass Schiff oder Ladung die Gefahren der Seeschiffahrt bestehe, kann Gegenstand der Seevericherung sein“. (H. G. B. Art. 782).

³⁾ Ср. напр. Voigt, стр. 2. См. также выше, глава II, стр. 18.

поводу существованія вещи; другими словами,—интересъ есть не наличная цѣнность, а лишь право, или надежда на полученіе цѣнности въ будущемъ. Вслѣдствіе этого, страхованіе интереса противорѣчитъ нижеслѣдующимъ общепризнаннымъ основнымъ положеніямъ страхового договора.

1. Страхованіе не должно служить средствомъ обогащенія для страхователя ¹⁾. Изъ этого логически вытекаетъ, что страхованіе есть не болѣе, какъ мѣра охраненія *наличнаго* имущества, т. е. имущества, дѣйствительно существующаго въ моментъ заключенія страхового договора. Между тѣмъ, интересъ есть возможность получить выгоду въ будущемъ,—возможность, могущая и не осуществиться; пока она не осуществилась, ея нельзя считать въ числѣ имущества даннаго лица; осуществленіе-же этой возможности есть прямое увеличеніе имущества, есть пріобрѣтеніе. А посему, всякая мѣра, имѣющая цѣлью обезпечить осуществленіе интереса, есть способъ обогащенія, средство пріобрѣтенія, а не мѣра охраненія. Справедливость вышеизложеннаго явствуетъ и изъ того, что, въ случаѣ неосуществленія интереса, лицо не бѣднѣетъ, а только не богатѣетъ. Такъ напр., кредиторъ, лишающійся, вслѣдствіе несостоятельности должника, возможности осуществить свое право требованія, не теряетъ *отъ этой несостоятельности*, потому-что имущественная сфера его не сдузилась отъ этой несостоятельности: она лишь не расширилась, вслѣдствіе неосуществленія интереса; правда, *до займа* кредиторъ былъ богаче: но, очевидно, имущественная сфера его сдузилась, собственно, не отъ несостоятельности должника, а отъ того, что онъ отдалъ въ займы (т. е. отчудилъ) часть своего имущества. Слѣдовательно, дать кредитору возможность страховать свой интересъ на должникѣ,—значитъ дать ему возможность выиграть на страховомъ договорѣ то, что онъ потерялъ на займѣ,—а это противорѣчитъ существу страхового догово-

1) Уст. Русск. § 103, Коммерч. 91, Салам. 110, Якорь 21, и др.; Р. Г. К. Д. 73/1282, 75/237, 79/115, 82/44 и др. Ср. Также Voigt, стр. 82—83 и 100—101.

вора¹⁾. Для обезпеченія правъ требованія, существуютъ другого рода договоры, помимо страхованія²⁾.

2. Страхование есть передача риска³⁾, а рискъ по данной вещи есть возможность *гибели* ея. Между-тѣмъ, интересъ есть вещь безтѣлесная, а потому опасностямъ никакимъ не подвергается и гибнуть не можетъ. Интересъ можетъ *не осуществиться*, но не гибнуть: гибнуть можетъ только то, что существуетъ, т. е. наличное имущество; неосуществленіе-же интереса есть ничто иное, какъ неполученіе ожидавшейся выгоды; вслѣдствіе не осуществленія интереса, лицо не бѣднѣетъ, а лишь *не обогащается* въ той мѣрѣ, какъ оно этого ожидало,—т. е. на сумму интереса.

3. Страховщикъ обязывается возмѣстить гибель данного предмета, которая приключится отъ опредѣленнаго *несчастія*. Подъ несчастіемъ-же разумѣтся, какъ это прямо признаетъ и наше законодательство⁴⁾, всякая внѣшняя разрушительная сила, способная оказать *физическое* воздѣйствіе на данный предметъ,—какъ напримѣръ: пожаръ, буря, градобітіе и т. п. Этимъ и объясняется, почему страховщикъ отвѣчаетъ только за дѣйствительный физическій ущербъ, только за *damnum emergens*, и не отвѣчаетъ за косвенные убытки несчастія, за *lucrum cessans*⁵⁾. А между-тѣмъ, интересъ, какъ нѣчто безтѣлесное, не подлежитъ никакому физическому воздѣйствію. Противъ этого возражаютъ, что подъ несчастіемъ нужно разумѣть не внѣшнюю разрушительную силу, а наступленіе всякаго событія, всякаго факта, влеку-

1) Степановъ, стр. 77.

2) Поручительство, залогъ, неустойка; см. т. X, ч. 1, ст. 1554. Противъ этого иногда возражаютъ, что страховой договоръ отличается отъ поручительства не предметомъ обезпеченія, а тѣмъ, что поручительство есть договоръ безвзмездный, а страхованіе возмездный. Но существу поручательства нисколько не противорѣчитъ возмездность,—что мы и видимъ въ торговомъ поручествѣ. Ср. Степановъ, стр. 25. Contra: Н. Г. В. Art. 809; Voigt, стр. 168—169.

3) Вицнъ, стр. 9.

4) Уст. Торг. ст. 539.

5) Уст. Торг. ст. 568; Уст. Русск. § 107, Коммерч. 93 и 100, Салам. 101 и 115, Якорь 1 и др.

шаго за собой невыгодныя имущественныя послѣдствія для даннаго лица чрезъ посредство поврежденія застрахованнаго предмета ¹⁾). Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что, принимая на себя страхъ по данной вещи отъ опредѣленнаго несчастія, страховщикъ обязуется возмѣстить тотъ имущественный ущербъ, который будетъ причиненъ *непосредственнымъ* дѣйствіемъ несчастія, а не за тотъ убытокъ, который данное лицо посредственно, произвольно связало для себя съ наступленіемъ даннаго событія. Напр., если сгораетъ застрахованный домъ, то страховщикъ обязанъ возмѣстить всякій ущербъ, который будетъ причиненъ огнемъ этому дому, но отнюдь не обязанъ вознаграждать за *косвенные* убытки пожара,—напр. за убытки отъ потери наемной платы за домъ и т. п. Между-тѣмъ, если-бы оспариваемое мною мнѣніе соотвѣтствовало сущности страховаго договора, то страховщикъ обязанъ былъ-бы, въ приведенномъ примѣрѣ, заплатить и за косвенные убытки пожара, такъ-какъ эти убытки связаны, несомнѣнно, съ пожаромъ, какъ *фактомъ*: не будь пожара, не было-бы и этихъ косвенныхъ убытковъ. Писатели, допускающіе, напр., залогодержателя, какъ интересента, къ страхованію заложеннаго ему дома, основываются на томъ соображеніи, что пожаръ можетъ уничтожить тотъ предметъ, отъ существованія котораго зависитъ состоятельность должника; слѣд., здѣсь залогодержатель страдаетъ отъ пожара не какъ отъ несчастія,—такимъ несчастіемъ пожаръ является лишь для собственника дома: *casum sentit dominus*,—а какъ отъ факта, съ которымъ залогодателямъ угодно было связать

¹⁾ Напр. Voigt (стр. 168) говоритъ: „Der Gegenstand, wegen dessen eventuellen Verlusts oder Entwerthung der Viersicherte von dem Versicherer schadlos gehalten werden soll, muss in solcher Verbindung mit der zu versichernden Forderung stehen, dass angenommen werden darf, der Versicherte werde im fallelglücklichen Bestehens“ der Seegefahr, wenn nicht unmittelbar aus demselben, dann doch ohne Verzug in Veranlassung der Salvirung desselben, seine Befriedigung erhalten. Es ist nicht erforderlich, dass den Versicherten ein Pfandrecht aufdem in der Police bezeichneten Gegenstande eingeräumt worden sei,—jede Beziehung des Versicherten zu demselben, welche begründeter Weise zu einer der vorbemerkten Annahmen berechtigt, reicht hier aus“.

для себя возможность имущественной потери. Но, вѣдь, лицо можетъ связать свой имущественный интересъ не только съ такимъ фактомъ, который составляетъ продуктъ виѣшней разрушительной силы и именуется несчастіемъ (напр., пожаръ, буря, градобитіе, эпизоотія и т. п.), но и съ любымъ фактомъ, составляющимъ, быть-можетъ, даже *счастіе* для всѣхъ, кромѣ интересента, — и, притомъ, не только съ фактомъ положительнымъ, но и *отрицательнымъ*. А при такихъ условіяхъ, страхованіе превращается, изъ соглашенія, имѣющаго цѣлю получить возмѣщеніе за погибшую вещь, — изъ специфическаго договора охраненія имущества отъ разрушительнаго дѣйствія несчастныхъ случайностей, — въ обыкновенную условную сдѣлку, по которой страхователь выговариваетъ себѣ опредѣленную сумму денегъ, *если* случится (или не случится) такое-то событіе. Между-тѣмъ, всѣ писатели согласны въ томъ, что страховой договоръ не есть обыкновенная условная сдѣлка, а договоръ *sui generis*¹⁾.

Приведу примѣръ. Лицо А заключило съ лицомъ В договоръ, по коему обязалось уплатить ему тысячу рублей, если В не женится до 30 лѣтъ. Здѣсь, очевидно, А имѣетъ имущественный интересъ въ томъ, чтобы В женился ранѣе 30 лѣтъ; по мнѣнію писателей, считающихъ предметомъ страхованія всякій имущественный интересъ, А имѣетъ право застраховать свой интересъ. Допустимъ, что А такъ и сдѣлалъ. Что-же мы получаемъ? Страховщикъ обязанъ заплатить лицу А тысячу рублей въ томъ случаѣ, если В не женится до указаннаго возраста, т. е. подъ отрицательнымъ условіемъ; другими словами, несчастіе, отъ котораго застраховываетъ себя А, состоитъ въ томъ, что В не женится до 30 лѣтъ; страховщикъ здѣсь платитъ не за непосредственныя послѣдствія несчастія, какъ при истинномъ страховомъ договорѣ, — да и въ чемъ могутъ состоять непосредственныя послѣдствія такого „несчастія“, какъ *неженитба*? — а за тѣ послѣдствія, которыя А заблагоразсудилъ связать для себя съ неженитбой В. Я позволю

¹⁾ Степановъ, стр. 13.

себѣ спросить: что станетъ съ страховымъ договоромъ,—этимъ важнымъ и необходимымъ условіемъ народнаго благосостоянія,—если онъ превратится въ обыкновенную условную сдѣлку, въ родѣ страхования отъ неженитьбы? ¹⁾ Тогда исчезнетъ даже различіе между страховымъ договоромъ и договоромъ пари, потому что послѣдній договоръ отличается отъ страхового не тѣмъ, что участникъ пари не имѣетъ никакого интереса къ предмету, по поводу гибели котораго онъ держитъ пари ²⁾,—онъ можетъ имѣть такой интересъ, и договоръ, все-таки, будетъ договоромъ пари ³⁾,—а въ томъ, что при договорѣ пари стипулируется опредѣленная, произвольно-назначенная сумма, если вещь погибнетъ, тогда какъ въ страховомъ договорѣ уплачивается вознагражденіе за вещь (т. е. въ предѣлахъ ея дѣйствительной стоимости), если она погибнетъ.

4) Господствующее мнѣніе утверждаетъ, что при страхованіи даже физической вещи застраховывается собственно не эта вещь, а имущественный интересъ, съ нею связанный ⁴⁾. Но, вѣдь, вещь и интересъ въ этой вещи—далеко не одно и то-же, и смѣшивать эти два понятія не представляется основанія. Дѣйствительно, если подѣ интересомъ разумѣть и *damnum emergens*, и *lucrum cessans*, то это значить, что существо страхового договора видятъ въ обязательствѣ страховщика возмѣститъ страхователю не только непосредственный ущербъ, но и то, что страхователь *могъ-бы* получить (а *могъ-бы* и не получить),

¹⁾ Мейеръ, будучи до конца послѣдовательнымъ своему взгляду на предметъ страхового договора, допускаетъ, дѣйствительно, страхование подѣ *отрицательнымъ* условіемъ,—напр., страхование премій на случай *ненаступленія* условленнаго несчастія (стр. 557).

²⁾ Какъ это думаетъ, напр., Мейеръ, стр. 551.

³⁾ Еще Emérigon сказалъ: „C'est gageure de dire: Si merces meae peribunt, dabis mille. Mais ce n'est pas gageure de dire: Je me fais assurer pour mille écus mes marchandises qui valent mille écus“. См. Степановъ, стр. 26—27.

⁴⁾ Напр., Voigt (стр. 2) говорятъ: „.....nicht die der Seegefahr ausgesetzten Gegenstände selbst, sondern das „Interesse, welches darin bestehe, das dieselben durch die Gefahren der Seeschiffahrt nicht verloren gingen oder beschädigt würden, das eigentliche Object der Versicherung bilden“. Того-же мнѣнія держится и Вицинь, (стр. 23): „... при страхованіи товара застраховывается собственно не товаръ, а интересъ, связанный съ нимъ“.

если-бы несчастія не случилось,—другими словами, это значить превращать страховой договоръ въ средство обогащенія для страхователя. Если-же подъ интересомъ разумѣютъ, — какъ это и слѣдуетъ,—только *damnum emergens*,—то это значить, что интересомъ называютъ тутъ собственно разницу въ стоимости вещи до и послѣ несчастія, т. е. убытокъ: а, между тѣмъ, страхуются не убытокъ, а вещь *отъ* убытка ¹⁾.

Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, неизбѣжно слѣдуетъ, что предметомъ страхового договора могутъ быть только *физическія вещи* (*res corporales*), и что всѣ договоры, предметомъ коихъ является не физическая вещь, а интересъ, представляютъ собою, *съ точки зрѣнія юридической логики*, не страховые договоры, а обыкновенныя условныя сдѣлки.

Но жизнь, съ ея практическими, насущными потребностями и интересами, часто не мирится съ выводами юридической логики. Право, какъ выразительница жизненныхъ потребностей, не должно ихъ игнорировать,—иначе оно рискуетъ остаться мертвой буквой. Великое дѣло Законодателя, какъ творца положительнаго права, въ томъ и состоитъ, чтобы придать правовую санкцію тѣмъ потребностямъ жизни, которыя дѣйствительно того заслуживаютъ; законодатель долженъ при этомъ тщательно взвѣснить, въ самомъ-ли дѣлѣ эти потребности и интересы такъ велики и справедливы, чтобы умѣстно было приносить имъ въ жертву правила юридической логики, отступать, ради нихъ, отъ принциповъ того или другаго юридическаго института ²⁾. Юристъ

¹⁾ Степановъ, стр. 72.

²⁾ Справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Гордонъ: „Научныя начала не всегда съ одинаковою послѣдовательностью могутъ быть проводимы въ жизни. Такова сила потребностей практической жизни, что онѣ способны вынудить уступки, отступленія отъ строго-научныхъ началъ. Удовлетвореніе этимъ потребностямъ жизни—прямая обязанность положительнаго законодательства“ (ор. cit. стр. 397). И въ другомъ мѣстѣ: „Дѣло юриста лишь, руководствуясь рациональными, основными понятіями права, сдѣлать изъ нихъ логическіе выводы. Объ удобствахъ или неудобствахъ не его дѣло судить. Объ этомъ пусть заботится законодательная политика, или, инаякъ въ юридическомъ битѣ мо-

долженъ при этомъ только помнить, что всякое подобное отступление отъ существа даннаго юридическаго института, допущенное положительнымъ законодательствомъ, будучи нѣкоторымъ извѣтjemъ, аномалiей, сдѣланной въ интересахъ практической жизни, — не должно быть толкуемо распространительно: принципы юридической логики, вступающъ въ свою силу немедленно, какъ только нѣтъ положительнаго волю законодателя; всякое сомнѣнiе и пробѣлъ должны быть толкуемы и пополняемы въ духѣ этихъ принциповъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчанiй, я обращусь теперь къ разсмотрѣнiю тѣхъ отступленiй отъ существа страховаго договора, которыя дѣлаетъ наше законодательство, — и, прежде всего, въ области континентальнаго страхованiя. Относящiеся сюда опредѣленiя нашего законодательства нужно черпать изъ отдѣльныхъ уставовъ страховыхъ обществъ, Высочайше утвержденныхъ ¹⁾, такъ-какъ въ 1 ч. X т. нѣтъ ничего, кромѣ общаго опредѣленiя, мною уже приведеннаго. Разматривая эти уставы, — въ общемъ очень сходные между собою и разнѣющiеся другъ отъ друга, говоря вообще, только въ тѣхъ или другихъ второстепенныхъ подробностяхъ, — мы видимъ слѣдующее:

1) Уставы допускаютъ, кромѣ страхованiя физическихъ вещей, и страхованiе *интереса*, связаннаго *съ существованiемъ* вещи ²⁾; но при этомъ кругъ интересентовъ, допускаемыхъ къ роли страхователей, очень ограниченъ. Во-первыхъ, арендаторы и жильцы могутъ отдавать на страхъ нанятая ими имущества въ томъ случаѣ, *если они обязались отплатить предъ хо-*

государственное влiянiе, воли самихъ сторонъ“ (Ibid. стр. 361). — Ошибка г. Степанова, автора много-цитированной мною монографiи, въ томъ и состоитъ, что, увлекшись критикой господствующей въ наукѣ теорiи страховаго договора, — критикой часто очень удачной, — онъ упустилъ изъ виду тѣ жизненныя требованiя, благодаря которымъ созданы законоположенiя, на коихъ и построена господствующая теорiя. Ср. также Осецкiй. „Смерть и увѣче при эксплуатацiи желѣзныхъ дорогъ“, стр. 57—62.

¹⁾ Т. X, ч. 1, ст. 2200 Прилѣж. 1.

²⁾ Уст. Русск. §§ 53, 54 и 55, Коммерч. 53, 54 и 55 и др.

заявномъ арендуемаго имущества за пожарные убытки ¹⁾. Вникая ближе въ это постановленіе, мы видимъ, что настоящимъ страховщикомъ является тутъ самъ арендаторъ, такъ-какъ онъ, по арендному договору, обязанъ возмѣстить собственнику арендуемаго имущества могущіе приключиться пожарные убытки; а страховое общество является здѣсь *перестраховщикомъ*, въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ-какъ оно является отвѣтственнымъ единственно предъ страховщикомъ (арендаторомъ), а не предъ первоначальнымъ страхователемъ (собственникомъ), какъ при обыкновенной цессіи.—Во-вторыхъ, уставы нашихъ страховыхъ обществъ допускаютъ къ страхованію *залогодержателей*,—въ суммѣ не выше того долга, обезпеченіемъ которому служить страхуемое имущество ²⁾.—Что касается имущества, заложенныхъ въ нашихъ Земельныхъ Банкахъ, то Банки эти принимаютъ въ залогъ только такія имущества, которыя *уже застрахованы* раньше самими собственниками. Особенности здѣсь состоятъ лишь въ томъ, что, во 1-хъ, страховое общество уплачиваетъ вознагражденіе не собственнику, а Банку; и, во 2-хъ, Банкъ имѣетъ право *возобновлять* договоръ страхованія въ тѣхъ случаяхъ, когда сами собственники не позаботились объ этомъ ³⁾.

2. Наше законодательство (подобно прочимъ европейскимъ кодексамъ) допускаетъ такъ-называемое страхованіе жизни ⁴⁾, т. е. договоръ, въ силу котораго одно лицо (страховщикъ) обязуется, за извѣстное вознагражденіе, уплатить въ случаѣ смерти сокон-

1) Уст. Русск. § 53, Коммерч. 53 и др.

2) Уст. Русск. § 55, Коммерч. 55, и др.; Уст. Коммерч., впрочемъ, требуетъ, чтобы залогодержатель заручился для этого согласіемъ залогодателя: очевидно, здѣсь залогодержатель является простымъ повѣреннымъ собственника, а не самостоятельнымъ страхователемъ. См. также „Положеніе о взаимн. страх. отъ огня“ т. XII, ч. 1, изд. 1886 г., п. 57, Примѣч. 2.

3) См. „Правила о взаимныхъ обязанностяхъ Земельныхъ банковъ и Страховыхъ Обществъ по приему на страхъ имущества, въ Земельныхъ Банкахъ заложенныхъ“, §§ 2 и 6.

4) См., напр., „Уставъ Россійскаго Общества застрахованія капиталовъ и доходовъ, учрежд. въ 1835 г.“, § 64.

трагента (страхователя) опредѣленную сумму денегъ постороннему лицу. Большинство писателей считаетъ страхованіе жизни несовмѣстнымъ съ сущностью страхового договора, — и совершенно справедливо. Во 1-хъ, страхованіе возможно только отъ несчастнаго *случая*; между-тѣмъ, смерть не есть случайность, а необходимый законъ природы ¹⁾. Во 2-хъ, въ страхованіи жизни предметомъ является даже не интересъ (какъ его понимаетъ господствующее мнѣніе), а нѣчто совершенно произвольное; именно, здѣсь страховщикъ обязуется уплатить, подѣ условіемъ смерти страхователя, совершенно произвольную сумму, которая можетъ далеко превышать доходы страхователя при его жизни, — лишь-бы относительно этой суммы состоялось соглашеніе между страхователемъ и страховщикомъ ²⁾. Вслѣдствіе этого, страхованіе жизни можетъ явиться средствомъ обогащенія для лица, въ пользу коего договоръ страхованія заключенъ; кромѣ того, оно, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ договора пари. Въ 3-хъ, страховщикъ, при страхованіи жизни, обязуется уплатить опредѣленную сумму денегъ всякому *стороннему лицу*, указанному страхователемъ въ его договорѣ съ страховщикомъ, — т. е., другими словами, страхованіе жизни есть договоръ въ пользу третьяго лица, въ немъ не участвовавшаго, т. е. по общимъ началамъ права, договоръ недѣйствительный ³⁾.

1) Мейеръ, стр. 550.

2) Степановъ, стр. 30. Contra: Вишнь, стр. 23.

3) Забѣчу еще, что въ то время, какъ всѣ Уставы нашихъ Страховыхъ Обществъ (континентальнаго страхованія) допускаютъ къ страхованію, кѣмъ всѣхъ кредиторовъ, только *залогодателей*, а прочихъ отказываютъ въ этомъ правѣ, а постановленія нашего законодательства о морскомъ страхованіи придерживаются того-же принципа, — Уставы обществъ страхованія жизни, допуская застрахованіе своей жизни на краткіе сроки (отъ 1 до 15 лѣтъ), съ уплатой указанному въ страховомъ договорѣ третьему лицу опредѣленной, произвольно-назначенной суммы въ случаѣ смерти страхователя до истеченія этого срока, даютъ, этимъ самымъ, всякому заимодавцу возможность обезпечить свою долговую претензію, предложивъ должнику застраховать свою жизнь въ пользу его (кредитора) на срокъ не ниже того, на какой заключенъ договоръ займа.

Значительно обширнѣе тѣ отступленія отъ существа страхового договора, которыя допускаетъ наше законодательство, по занимающему насъ вопросу, въ области морскаго страхованія. Отступленія эти слѣдующія.

1. Предметомъ морскаго страхованія могутъ быть деньги, данныя подъ залогъ корабля, или судна и корабельной и судовой крѣпости, равно-какъ и *бодмерейныя* деньги, т. е. занятыя корабельщикомъ, вслѣдствіе какого-либо несчастія въ пути, подъ залогъ корабля, или судовой крѣпости, или груза, или подъ обезпеченіе фрахтовыми деньгами ¹⁾. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, слѣд., залогодержателю дозволяется страховать тотъ *интересъ*, который онъ имѣетъ въ существованіи заложенныхъ ему предметовъ, служащихъ единственнымъ обезпеченіемъ исправности его должника ²⁾.

2. Страхованіе фрахтовой платы ³⁾. Подъ послѣдней, какъ извѣстно, разумѣется вознагражденіе, уплачиваемое товароотправителемъ хозяину корабля за наемъ онаго. Понятно, что, въ случаѣ гибели груза, товароотправитель теряетъ не только стоимость груза, но и фрахтовую плату; вотъ почему у товароотправителя и является желаніе страховать послѣднюю. Такъ-какъ фрахтовая плата могла быть (равно-какъ могла и *не* быть) выручена изъ цѣны будущей продажи груза, если-бы онъ благополучно прибылъ въ портъ назначенія и *удачно былъ проданъ*, то дозволеніе страховать фрахтовую плату равносильно дозволенію страховать ожидаемую прибыль отъ товара, а это превращаетъ страховой договоръ въ способъ пріобрѣтенія, наживы ⁴⁾.— Въ торговлѣ большею частью практикуется, что фрах-

1) Уст. Торг. ст. 545 пп. 3 и 4. Ср. Уст. Торг. ст. 381 и 383. Корабельщикомъ нашъ законъ называетъ наемнаго шкипера (Уст. Торг. ст. 216). Морское право всѣхъ націй допускаетъ этотъ видъ страхованія. См. Voigt, стр. 11—13. Н. G. V. Art. 783.

2) Степановъ, стр. 28; Вицинь, стр. 35.

3) Уст. Торг. ст. 545 п. 6.

4) Прочія европейскія законодательства не всѣ допускаютъ этотъ видъ страхованія. Н. G. V. Art. 783 и 801. Voigt, стр. 133.

товая плата выдается судовладельцу только в случае благополучной доставки груза в порт назначения; в случае же гибели груза, судовладелец либо вовсе не получает фрахтовой платы, (при гибели полной), либо эта плата соразмерно понижается (при гибели частичной). При этой системе, риск по фрахтовой плате лежит, очевидно, на судовладельце, которому наше законодательство и позволяет передать этот риск путем страхового договора другому лицу¹⁾. Но очевидно, что и здесь мы имеем дело с страхованием ожидаемой прибыли.

3. Страхование ожидаемой прибыли²⁾. В виду того, что эта прибыль не есть нечто реально-существующее, а лишь возможность получить выгоду, — возможность, реализованная которой зависит не только от благополучного прибытия груза в место назначения, но и от условий спроса и предложения, — то становится понятным, что гарантия ожидаемой прибыли превращает страховой договор в способ обогащения³⁾. Кроме того, как я выше объяснил, страховщик должен отвечать только за *damnum emergens*, а не за *lucrum cessans*; ожидаемая же прибыль на товар есть именно *lucrum cessans*.

1) Н. Г. В. Art. 801. Вицинь, стр. 28—30. Степановъ, стр. 28.

2) Уст. Торг. ст. 545 п. 7.

3) Страхование ожидаемой прибыли возбуждает также большое разногласие между писателями и не всеми законодательствами признается в равной мере. Вицинь (стр. 33—34), допуская страхование ожидаемой прибыли, добавляет, однако, оговорку, что прибыль подлежит страхованию не в определенной, неизменной цифре, а как „величина пока неизвестная, которая определится лишь при исходе предприятия“; при этой поправке, страховщик только тогда отвечает, если цена товара в порт назначения будет превышать цену товара в порт отправления + накладные расходы, при чем размер этой ответственности не должен превышать разности между этими двумя ценами. Так смотря на этот вопрос английская практика и законодательства: немецкое, голландское и португальское. Напр. Art. 797 Н. Г. В. говорит: „Ist imaginärer Gewinn taxirt, so hat der Versicherer im Falle der Anfechtung der Taxe zu beweisen, dass dieselbe der zur Zeit des Abschlusses des Vertrags nach kaufmännischer Berechnung möglicher Weise zu erwartenden Gewinn überstiegen habe“. Ср. также Art. 805 и 806.

4. Страхование страховой суммы¹⁾. Подъ послѣдней разужють ту сумму, которую долженъ уплатить страховщикъ въ случаѣ гибели застрахованнаго предмета, и которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать дѣйствительной стоимости предмета. Въ области морскаго страхованія наше законодательство не допускаетъ *страховщика* къ перестрахованію застрахованнаго у него имущества: оно позволяетъ ему только передать, путемъ обыкновенной *цессіи*, другому лицу все свои права и обязанности по страховому договору²⁾. Но перестрахованіе—это совсѣмъ не то, что цессія: при цессіи, первоначальный контрагентъ (цедентъ) совершенно выбываетъ изъ обязательства, и на его мѣсто вступаетъ цессіонарій; при договорѣ перестрахованія, напротивъ того, первоначальный страховщикъ сохраняетъ все свои права и обязанности по отношенію къ страхователю,—страхователь имѣетъ дѣло лишь съ нимъ однимъ и не имѣетъ никакого отношенія къ перестраховщику: договоръ перестрахованія есть, такъ-сказать, домашняя сдѣлка между страховщикомъ и перестраховщикомъ, совершаемая безъ вѣдома и согласія первоначальнаго страхователя. Перестрахованіе примѣняется у насъ въ широкихъ размѣрахъ въ области континентальнаго страхованія³⁾.—Что касается *страхователя*, то, въ области морскаго страхованія, наше законодательство позволяетъ ему перестраховывать „цѣну страхованія“ (т. е. страховую сумму) *на случай несостоятельности страховщика* (Уст. Торг. ст. 583).

1) Уст. Торг. ст. 583.

2) Уст. Торг. ст. 583; Ср. Вишня стр. 38, гдѣ авторъ старается доказать, что наше законодатель имѣло въ виду не цессію, а перестрахованіе въ истинномъ смыслѣ этого слова, но плохо выразилъ свою мысль; но доводы г. Вишня слишкомъ слабы.—Перестрахованіе допускается всѣми законодательствами, кромѣ англійскаго Н. Г. В. Art. 783: „Es können...versichert werden: ...die von dem Versicherer übernommene Gefahr“.—Voigt, стр. 282 ff.

3) Русск. § 26, Коммерч. § 25 и 52, и др. Напр., изъ 36 милліоновъ рублей страховой преміи, полученной въ 1887 г. только 14-ю нашими акціонерными страховыми отъ огня обществами, послѣднія оставили у себя только 14½ милліоновъ,—остальное передано за границу въ видѣ уплаты за перестраховку. („Русск. Вѣд.“ 1889 г. отъ 22 Января).

Вотъ тѣ отступленія отъ основныхъ началъ страхового договора, которыя допущены нашимъ законодательствомъ въ области морскаго страхованія. Такъ-какъ всякое исключеніе изъ общаго правила должно быть толкуемо ограничительно, то и эти отступленія не подлежатъ распространительному толкованію. Въ виду этого, заключительный (8-ой) пунктъ ст. 545 Уст. Торг., въ которомъ къ предметамъ морскаго страхованія отнесены „вообще всѣ предметы, морскимъ опасностямъ подверженные“, долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ существу страхового договора, и подъ предметами, подверженными морскимъ опасностямъ, нужно здѣсь разумѣть исключительно *физическія* вещи. Нельзя, поэтому, причислять къ этимъ „предметамъ“ ни страховую премію, ни жалованье служащимъ на суднѣ, ни разнаго рода частныя долги ¹⁾, — и вотъ почему.

Что касается страхованія премій, уплаченной страхователемъ страховщику въ вознагражденіе за принятый имъ рискъ, то оно имѣетъ цѣлью вознаградить страхователя за этотъ *безвозвратный* расходъ, такъ-какъ, въ случаѣ гибели застрахованнаго предмета ²⁾, страховщикъ уплачиваетъ страхователю только стоимость погибшаго предмета, но страховой преміи обратно не возвращаетъ. Очевидно, что страхованіе премій противорѣчитъ началамъ страхового договора, такъ-какъ страховщикъ здѣсь обязуется уплатить не за погибшій предметъ и не въ предѣлахъ его стоимости, а заранее определенную сумму подъ условіемъ гибели (хотя-бы даже частичной) застрахованнаго предмета ³⁾. При томъ, предметъ всегда страхуется отъ случайной гибели вслѣдствіе дѣйствія внѣшней разрушительной силы; страховая-же премія всегда добровольно уплачивается страхователемъ страховщику;

1) Contra: Вишнѣвъ, стр. 39; Ноткинъ, стр. 104.

2) Если застрахованный предметъ уцѣлѣетъ, то страховая премія не составитъ для страхователя не производительнаго расхода, такъ-какъ расходъ этотъ войдетъ въ цѣну продажи застрахованнаго предмета и, слѣд., будетъ переложенъ на потребителя.

3) Стенановъ, стр. 27. Contra: Вишнѣвъ, стр. 61.

слѣд., первый лишается ея въ пользу втораго не случайно и не вслѣдствіе дѣйствія какой-либо разрушительной силы, а по свободному договору ¹⁾).

Относительно страхованія жалованья, слѣдующаго экипажу судна (какъ шкиперу, такъ и простымъ судорабочимъ), нужно прежде всего замѣтить, что вопросъ о подобномъ страхованіи возникаетъ потому, что экипажъ получаетъ впередъ, обыкновенно, только часть наемной платы, — остальная-же часть уплачивается ему только въ томъ случаѣ, если рейсъ *благополучно* будетъ совершенъ, и по окончаніи рейса. Но всѣ почти законодательства воспрещаютъ страхованіе жалованья экипажемъ судна, по тому соображенію, что допущеніе подобнаго страхованія могло-бы породить нерадѣніе экипажа относительно участи корабля ²⁾. Къ этому, чисто-практическому, соображенію остается прибавить, что страхованіе жалованья экипажемъ судна, будучи страхованіемъ *интереса*, противорѣчитъ существу страховаго договора.

Наконецъ относительно страхованія частныхъ долговъ, удовлетвореніе коихъ зависитъ отъ цѣлости судна или груза, слѣдуетъ также сказать, что оно, какъ страхованіе интереса, составляетъ нарушеніе основныхъ началъ страховаго договора ³⁾).

Я перечислилъ всѣ тѣ отступленія отъ существа страховаго договора, которыя допущены нашимъ законодательствомъ въ области континентальнаго и морскаго страхованія. Нельзя не сознаться, что значительная часть этихъ отступленій оправдывается важностью

1) Страхованіе премій признается всѣми западно-европейскими кодексами. Часто страховая премія разсматривается какъ составная часть цѣны страховаго предмета и, такимъ образомъ, входитъ при самомъ заключеніи страховаго договора, въ составъ страховой суммы. Ср. Н. Г. В. Art. 803.

2) Вицинь, одобряя это запрещеніе, оправдываетъ его лишь указаннымъ практическимъ соображеніемъ, но считаетъ, что этотъ родъ страхованія вполнѣ соответствуетъ сущности страховаго договора. Н. Г. В. Art. 784 категорически выражаетъ это запрещеніе: „Die Heuerforderung des Schiffers und der Schiffsmannschaft kann nicht versichert werden“. Только англійское и сѣверо-американское законодательство дозволяютъ *шкиперу* (но не судорабочимъ) страховать свое жалованье.

3) Contra: Н. Г. В. Art. 783 и 809.

тѣхъ интересовъ, которые законодатель хотѣлъ оградить посредствомъ страхового договора, и которые было-бы невозможно охранить какъ слѣдуетъ какимъ-либо другимъ способомъ. Къ этимъ уважительнымъ отступленіямъ нужно отнести:

а) Страхование залогодержателями имущества, имъ заложенного.

б) Страхование жизни, имѣющее на практикѣ громадное значеніе для обширнаго класса представителей умственного и физическаго труда, — класса интеллигентныхъ и чернорабочихъ пролетаріевъ, все болѣе и болѣе растущаго: для этого класса, страхование жизни, при современномъ экономическомъ строѣ, представляется важнымъ средствомъ охраненія насущныхъ интересовъ своихъ и своихъ семействъ¹⁾;

в) Страхование бодмерейныхъ денегъ и денегъ, данныхъ подъ залогъ корабля; и

г) Страхование фрахта хозяиномъ корабля (арматоромъ), какъ средство, ограждающее интересы судохозяевъ и морской торговли.

Остальные отступленія врядъ-ли оправдываются важностью тѣхъ интересовъ, ради которыхъ они сдѣланы.

И такъ по общему правилу, предметомъ страхового договора могутъ быть только физическія вещи. Но не всякая физическая вещь можетъ быть отдаваема на страхъ, — именно, не подлежатъ страхованію слѣдующіе предметы.

1. Предметы контрабанды какъ военной, такъ и обыкновенной²⁾. — Относительно непріятельской собственности, нашъ законъ говоритъ только, что воспрещается страховать военную аммуницію и провіантъ, принадлежащіе непріятелю, и товары, коими запрещено торговать съ непріятелемъ. Но напр., Вицинъ полагаетъ, что, по смыслу нашего закона, воспрещается страховать отъ морской опасности *всякое* вообще имущество непріятеля, — на томъ

1) Съ этой точки зрѣнія имѣть громадное значеніе принципъ *обязательнаго* страхования рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, къ которому я надѣюсь скорѣе возвратиться въ отдѣльной статьѣ.

2) Уст. Торг. ст. 547 и Примѣч.

основаніи, что современное морское право войны допускает захватъ на морѣ частнаго непріятельскаго имущества, и что по этому было бы непоследовательно, что бы въ то время, какъ „государство явно стремится нанести возможно болѣе вреда морской торговлѣ непріятеля и даже вовсе прекратить ее,—вдругъ наше страховое общество, частное лицо, принимало-бы на себя обязательство вознаграждать непріятеля за его потери и тѣмъ охраняло-бы его морскую торговлю“ ¹⁾. Справедливо, что въ то время, какъ неприкосновенность частной непріятельской собственности въ сухопутной войнѣ составляетъ аксіому современнаго международнаго права,—захватъ ея, не смотря на отиѣну каптерства, еще широко практикуется на морѣ,—роль каперовъ играютъ военные крейсера ²⁾. Но мнѣніе Вицина было-бы только въ томъ случаѣ справедливо, если-бы было доказано, что отъ заключенія подобныхъ страховыхъ договоровъ выигрываетъ непріятель въ ущербъ отечественнымъ интересамъ. Между тѣмъ, позволительно предполагать прямо противоположное. Дѣло въ томъ, что страховой договоръ, будучи двустороннимъ, приноситъ выгоды какъ страхователю (получающему страховую сумму), такъ и страховщику (получающему страховую премію); по существу страховой операціи, сумма страховыхъ премій всегда должна быть выше общаго итога вознагражденій, выплачиваемыхъ страхователямъ страховщиками, — иначе послѣдніе прекратили-бы свои операціи. Въ виду этого, страховой договоръ и въ военное время приноситъ пользу, въ концѣ—концевъ, не непріятелю, а отечественнымъ страховщикамъ ³⁾. Вотъ почему я не вижу ни надоб-

1) *Op. cit.*, стр. 11. Дѣйствительно, судебная практика почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ (за исключеніемъ Германіи и Голландіи) придерживается того взгляда, что договоръ морскаго страхованія относительно непріятельскаго имущества — недействителенъ. Видинъ стр. 11. Voigt, стр. 8.

2) Гефтеръ, *op. cit.* стр. 222, 234, 248—250.

3) Voigt, стр. 9; Степановъ, стр. 54—55; Степановъ приходитъ къ тому окончательному выводу, что договоръ страхованія непріятельскаго имущества вполнѣ дѣйствителенъ, но исполненіе по оному можетъ быть, по распоряженію государства, отложено до окончанія войны.

ности, ни возможности расширять смысл ст. 547 Ус. Торг.— тѣмъ болѣе, что ограничительныя постановленія, вообще, не подлежатъ распространительному толкованію.—Что касается страхованія частной непріятельской собственности во время *сухопутной* войны, то этотъ видъ страхованія, конечно, не можетъ встрѣтить никакихъ принципіальныхъ возраженій ¹⁾, такъ-какъ неприкосновенность непріятельской собственности при сухопутной войнѣ общепризнана въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, наши страховыя общества не принимаютъ подобнаго рода страхованій ²⁾,— не изъ принципіальныхъ соображеній, конечно, а по причинѣ громадности риска, съ ними сопряженнаго,—т. е. по той-же причинѣ, по которой они не отвѣчаютъ за убытки, причиненные землетрясеніемъ, ураганомъ и т. п.

2. Предметы, не существующіе *въ моментъ заключенія страховаго договора*,—потому-ли, что они еще не возникали, или-же потому, что уже успѣли прекратить свое существованіе ³⁾:—нельзя отдавать на страхъ того, что не существуетъ. Впрочемъ, наше законодательство (подобно многимъ другимъ) ⁴⁾ ограничивается требованіемъ, чтобы предметъ страхованія существовалъ если не реально, то, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи обѣихъ сторонъ ⁵⁾.

3) Предметы, уже ранѣе застрахованные,—такъ-какъ двойное страхованіе одной и той-же вещи въ ея полную стоимость превратило-бы страховой договоръ въ способъ наживы ⁶⁾.

1) Степановъ, стр. 52.

2) Русск. § 102, Коммерч. 109, Салам. 108, Якорь 2 и др.

3) Степановъ, стр. 86.

4) Voigt, стр. 78—82. Ср. выше, стр. 11.

5) Уст. Торг. ст. 546 пп. 1 и 2.

6) Уст. Торг. ст. 582; Уст. Русск. § 52, Коммерч. 51, Якорь 8, 1 Росс. 68 и др. Р. Г. К. Д. 78/88, 79/80 и др.—Ср. выше, стр. 21.

Глава IV.

Цѣль страхового договора.

Какъ я выше сказалъ, цѣлью (или причиною) договора называются тѣ чужія дѣйствія, право на которыя рождается договоромъ. Такъ-какъ договоръ страхованія есть договоръ двухъ-сторонній, то онъ рождаетъ права и обязанности какъ для страховщика, такъ и для страхователя.

Разсмотримъ сперва права и обязанности страховщика.

Мы выше видѣли, что сущность обязательствъ страховщика заключается въ возмѣщеніи страхователю того имущественнаго ущерба, который будетъ произведенъ на застрахованномъ предметѣ дѣйствіемъ случайнаго несчастія. Другими словами, страховщикъ гарантируетъ страхователя отъ возможныхъ послѣдствій опредѣленнаго будущаго несчастія. Такимъ образомъ, для наступленія отвѣтственности страховщика необходимо, чтобы послѣдовала *гибель* (полная, или частичная) застрахованнаго предмета отъ такого *случайнаго* несчастія, которое въ моментъ заключенія страхового договора представлялось *возможнымъ* въ болѣе или менѣе опредѣленномъ *будущемъ*. Я разсмотрю теперь подробнѣе каждое изъ этихъ условій въ частности.

1) Что касается *гибели* вещи, то подъ нею не слѣдуетъ разумѣть непременно полное ея матеріальное уничтоженіе: достаточно, если она утратитъ свою цѣнность, или свое первоначальное экономическое значеніе, или-же, вообще, исчезнетъ изъ гражданскаго оборота ¹⁾. Такъ, сгнившая рыба считается погибшей, хотя и можетъ быть употреблена въ качествѣ удобрения

1) Ср. Н. Г. В. Art 858: „Ein Totalverlust des Schiffs oder der Güter liegt vor, wenn das Schiff oder die Güter zu grunde gegangen oder dem Versicherten ohne Aussicht auf Wiedererlangung entzogen sind, namentlich wenn sie unrettbar gesunken oder in ihrer ursprünglichen Beschaffenheit zerstört, oder für gute Preise erklärt sind. Ein Totalverlust des Schiffs wird dadurch nicht ausgeschlossen, das einzelne Theile des Wracks oder des Inventars gerettet sind.“

полей; смѣшавшіеся, вслѣдствіе несчастнаго случая, товары равнаго рода, при невозможности разъединить ихъ, считаются погибшими, хотя-бы новая смѣсь и имѣла какое-либо экономическое значеніе ¹⁾. Равнымъ образомъ, утонувшее желѣзо, хотя и существуетъ гдѣ-то на днѣ океана, но фактически находится внѣ человѣческаго обладанія и, слѣд., внѣ гражданскаго оборота ²⁾.

2) Несчастіе, производящее гибель вещи, должно быть *возможнымъ*, т. е. такимъ, которое можетъ наступить, но можетъ и не наступить. Слѣд., несчастіе *необходимое*, т. е. такое, которое непременно должно, раньше или позже, наступить, не можетъ служить условіемъ отвѣтственности страховщика. Въ самомъ дѣлѣ, сущность страховаго договора состоитъ въ передачѣ и принятіи *риска* по вещи ³⁾; рискъ-же есть одновременная возможность потери и выгоды; тамъ-же, гдѣ потеря представляется необходимой, тамъ нѣтъ и риска, а гдѣ нѣтъ риска, тамъ нѣтъ и страховаго договора. Поэтому-то такъ-называемое страхованіе жизни не будетъ страховымъ договоромъ, ибо смерть даннаго лица есть событіе безусловно-необходимое, а не только возможное. Далѣе. Страхуемый предметъ долженъ существовать въ моментъ заключенія договора, ибо надъ предметомъ уже погибшимъ (равно какъ еще и не возникавшимъ) никакое несчастіе не можетъ разразиться. Это подтверждается и тѣмъ, что рискъ переходитъ на страховщика лишь съ момента заключенія договора: но какой-же рискъ приметъ на себя страховщикъ, если страхуемый предметъ не существуетъ (уже, или еще) въ моментъ заключенія договора ⁴⁾? Тѣмъ не менѣе, наше законодательство (подобно другимъ) не требуетъ, чтобы предметъ страхованія существовалъ дѣйствительно въ моментъ заключенія договора, — лишь-

1) Voigt, стр. 639—640. Само собою разумѣется, что стоимость остатковъ вычитается изъ страховой суммы.

2) L. 21 ff. de haered. petit: „Deperditum intelligitur quod in rerum natura desiit.

3) Вицннь, стр. 45.

4) Стенановъ, стр. 94.

бы обѣ стороны (страхователь и страховщикъ) добросовѣстно считали этотъ предметъ существующимъ ¹⁾.

3) Подъ *несчастіемъ*, какъ я уже выше объяснилъ, нужно разумѣть *внѣшнюю разрушительную силу*, способную своимъ *непосредственнымъ* дѣйствіемъ причинить ущербъ, или гибель застрахованному предмету. Это вытекаетъ, во-первыхъ, изъ того, что предметомъ страхового договора можетъ быть только физическая вещь, а послѣдняя можетъ потерпѣть ущербъ, или гибель только отъ непосредственного дѣйствія внѣшней разрушительной силы. Во-вторыхъ, страховщикъ отвѣчаетъ, — какъ это признано законодательствами всѣхъ странъ ²⁾, — только за непосредственное послѣдствіе несчастія, за *damnum emergens*, но не за косвенные убытки, не за *lucrum cessans*. А, между-тѣмъ, если-бы страховщикъ отвѣчалъ за всякую имущественную потерю, происшедшую для страхователя отъ извѣстнаго событія какъ отъ факта, а не какъ отъ *непосредственного творца* этой потери, — а такимъ непосредственнымъ творцомъ можетъ быть только внѣшняя разрушительная сила, — то это означало-бы, что страховщикъ платитъ и за *lucrum cessans*. Навѣрно, поэтому, мнѣніе тѣхъ писателей, которые видятъ существо обязательствъ страховщика то въ обязанности уплатить за вредъ, который лицо можетъ понести *въ силу* гибели вещи, то въ обязанности *возстановить страхователя въ то положеніе*, въ какомъ находился-бы онъ, если-бы несчастія вовсе не случилось, то, наконецъ, въ

1) Уст. Торг. ст. 546 и 550 п. 6. Ср. также выше, стр. 11 Примѣч. I.

2) Уст. Торг. ст. 568; Русск. §§ 93 и 107, Коммерч. §§ 90 и 95, Якорь § 1, Салам. §§ 101 и 115, и др.; — Voigt (стр. 428) основательно замѣчаетъ, что страховщикъ, при самомъ заключеніи договора, долженъ имѣть возможность знать размѣръ того вознагражденія, которое падетъ на него въ случаѣ наступленія условленнаго несчастія, — а этой возможности онъ былъ-бы лишенъ, если бы отвѣчалъ и за косвенные убытки. Н. G. B. Art. 824 допускаетъ изъ этого общаго правила лишь одно изъятіе, состоящее въ томъ, что страховщикъ обязанъ возратить страхователю — судохозяину то вознагражденіе, которое послѣдній уплатитъ третьему лицу за убытки, происшедшіе при столкновеніи кораблей въ морѣ.

обязанности уплатить опредѣленную сумму денегъ подъ условіемъ гибели вещи. Повторяю: сущность страхового договора въ томъ и состоитъ, что страховщикъ отвѣчаетъ за погибшій предметъ, — т. е. обязанъ возстановить его, этотъ предметъ, въ то положеніе, въ которомъ онъ былъ до наступленія несчастнаго случая. Только понимаемый въ такомъ смыслѣ, страховой договоръ будетъ тѣмъ, чѣмъ, *въ принципѣ*, считаютъ его наука и законодательства всѣхъ странъ, — т. е. средствомъ *охраненія* наличнаго имущества отъ разрушительнаго дѣйствія несчастныхъ случайностей, — а не средствомъ обогащенія ¹⁾).

4) Несчастіе, за разрушительныя дѣйствія котораго отвѣчаетъ страховщикъ, должно быть *случайнымъ*, т. е. такимъ, котораго не только никто не предвидѣлъ, но и не могъ предвидѣть. Это вытекаетъ изъ того основнаго положенія, что страховой договоръ есть способъ передачи того риска, который лежитъ на страхователѣ въ силу правила: *casum sentit dominus*, — т. е. того риска, который лежитъ на собственникѣ, какъ на таковомъ, и за который, безъ особаго договора, никто предъ нимъ не отвѣтственъ ²⁾. Слѣдовательно, нѣтъ отвѣственности страховщика тамъ, гдѣ несчастіе есть продуктъ людской воли, — будетъ-ли то воля самого собственника, или третьяго лица, будетъ-ли то воля умышленная, или-же неосторожная. По этому, съ точки зрѣнія существа страхового договора и юридической логики, страховщикъ не отвѣчаетъ за гибель застрахованнаго предмета въ нижеслѣдующихъ случаяхъ.

А) Если эта гибель была результатомъ собственной *неосторожности* страхователя. Страховой договоръ есть передача того риска, который лежитъ на собственникѣ, *какъ таковомъ*, а не какъ на виновникѣ несчастія. Гдѣ есть вина, хотя-бы и неосторожная, тамъ нѣтъ случая, составляющаго необходимое усло-

1) Степановъ стр. 102—106.

2) См. выше, стр. 3.

vie sine qua non страхового договора ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, всѣ наши страховыя общества отвѣчаютъ за гибель застрахованнаго имущества и въ томъ случаѣ, если она была результатомъ собственной неосторожности страхователя ²⁾. Но очевидно, что здѣсь

1) Степановъ, стр. 99; Вицинъ, стр. 47. Н. G. B. Art. 825 п. 4; Voigt, комментируя этотъ пунктъ, говоритъ: „Dagegen sind sie (die Versicherer) frei von der Tragung solcher Schäden, welche von dem Versicherten selbst oder einem Vertreter desselben, sowie von deren geschäftspersonal, durch eigene auf den versicherten gegegenstand gerichtete culpose (а не только dolose) Handlungen, durch Vernachlässigung der über die Hülfspersonen zu führenden Aufsicht oder durch zweckwidrige oder die Ordnung oder den Versicherungsvertrage widersprechende Anordnungen verursacht werden sind“ (стр. 463); стр. также 461—465 pessim. Contra Мейеръ, стр. 549. Вообще вопросъ этотъ въ наукѣ споренъ, и въ примѣненіи къ страховому договору не всѣ писатели согласны признать справедливость известнаго афоризма римскаго права: Quod quis ex culpa sua damnum sentit, non intelligitur sentire.

2) Русск. §§ 93 и 102 п. 6., Коммерч. 90 и 109; Яворъ 1 и 27; Салам. 101, 104 и 115 и др.; Полож. о взаимн. страх. отъ огня, т. XII. ч. I. § 32. Наша судебная практика обязываетъ страховщика отвѣчать за убытки, происшедшіе вслѣдствіе неосторожности страхователя даже въ томъ случаѣ, если въ договорѣ о подобной отвѣтственности страховщика и не было упомянуто: см. Р. Г. К. Д. 77/323. — Нѣкоторые писатели находятъ, даже что отвѣтственность страховщика за убытки, происшедшіе отъ неосторожной вины страхователя, противорѣчатъ общественному порядку и благочинію, такъ-какъ, напр., неосторожное обращеніе съ огнемъ составляетъ у насъ проступокъ, предусмотрѣнный ст. 89 и слѣд. Уст. о Наказ. налаг. Мир. Суд., и что по этому подобный страховой договоръ, какъ клонящійся къ снятію съ страхователя законной отвѣтственности за послѣдствія его проступка, долженъ считаться не дѣйствительнымъ (ст. 1528 Т. X. ч. I.). Ноткинъ возражаетъ противъ этого мнѣнія, что неосторожное обращеніе съ огнемъ не есть проступокъ, такъ-какъ „законъ, устанавливая за пожаръ, происшедшій отъ несоблюденія мѣръ предосторожности, денежный штрафъ, чуждъ карательнаго характера“ (ор. cit. стр. 17), — какъ будто денежный штрафъ не входитъ въ лѣстницу уголовныхъ наказаній! Противъ оспариваемаго г. Ноткинымъ мнѣнія можно привести болѣе всѣяя соображенія. Во первыхъ, только такой договоръ можно считать клонящимся къ нарушенію общественнаго порядка, который снимаетъ отвѣтственность за послѣдствія *умышленнаго* правонарушенія (dolus), а не дѣянія неосторожнаго (Cp. D. Z. 17 fr. 23 de rig. jur: „...Celsus putat, non valere, si convenerit, ne dolus praestetur: hoc enim bonae fidei iudicio contrarium est“). Во вторыхъ, разъ положительное право дозволяетъ страховщику брать на себя отвѣтственность и за убытки, происшедшіе отъ собственной неосторожности страхователя, то этимъ самымъ оно объявляетъ, что считаетъ такую отвѣтственность не противной общественному порядку.

страховыя общества исходятъ не изъ соображеній существа страхового договора, а изъ чисто практической необходимости: часто очень трудно, а иногда и невозможно установить, для даннаго конкретного случая, ту тонкую границу, которою отдѣляется случайность отъ неосторожной вины. Вслѣдствіе этого, неотвѣтственность страховщика за несчастія, происшедшія отъ неосторожности самого страхователя, подала-бы поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны страховыхъ обществъ, къ непрерывнымъ тяжбамъ, — что дискредитировало-бы эти общества въ глазахъ страхователей, подорвало-бы прочность страхового дѣла.

В) Если страховщикъ не отвѣчаетъ за убытки, происшедшіе вслѣдствіе собственной неосторожности страхователя, то, тѣмъ болѣе, не отвѣчаетъ онъ въ случаѣ злаго умысла (*dolus*) страхователя; такъ-какъ страхованіе отъ злаго умысла, противорѣча и сущности страхового договора, и требованію, чтобы договоры не были противны законамъ и общественному порядку¹⁾, — было-бы явною нелѣпностью. Законодательства всѣхъ странъ и уставы всѣхъ страховыхъ обществъ единогласны на этотъ счетъ²⁾.

С) Страховщикъ не отвѣчаетъ въ томъ случаѣ, если несчастіе произошло отъ вины (умышленной, или неосторожной) *третьяго лица*. Это вытекаетъ изъ того, что страховщикъ отвѣчаетъ только за послѣдствія несчастнаго *случая*, т. е. такого событія, котораго никто не только не предвидѣлъ, но и не могъ предвидѣть; преступленіе-же, какъ продуктъ вины извѣстнаго лица, — вины умышленной, или, по меньшей мѣрѣ, неосторожной, не можетъ быть отнесено къ числу случайностей, въ означенномъ техническомъ смыслѣ слова. Независимо отъ этого: страховщикъ, по существу страхового договора, отвѣчаетъ за послѣдствія только такихъ несчастныхъ случаевъ, которые падаютъ на страхователя по принципу *casum sentit dominus*, и за которые, *безъ особаго договора или обязательства*, никто предъ

¹⁾ Ср. ст. 1612 Улож. о Наказ. Угол. и Исправ.

²⁾ Уст. Русск. § 98, Коммерч. 113, Якорь 27, Салам. 104 и др. Уст. Торг. ст. 570.

страхователемъ не отвѣтственъ. Между-тѣмъ, въ случаѣ убытковъ отъ преступленія, или проступка третьяго лица, страхователь имѣетъ *по закону* право искать всѣ убытки съ правонарушителя ¹⁾. Правда, правонарушитель можетъ оказаться несостоятельнымъ къ платежу убытковъ, причиненныхъ его преступленіемъ; но это уже побочное обстоятельство, не имѣющее никакого юридическаго отношенія къ страховому договору. — Не слѣдуетъ, далѣе, забывать и того, что если считать страховщика отвѣтственнымъ предъ страхователемъ за преступленія третьихъ лицъ, то нужно признать за нимъ и право искать съ правонарушителя тѣ убытки, которые послѣдній причинилъ страхователю, такъ-какъ страховщикъ, принявъ на себя уплату этихъ убытковъ, тѣмъ самымъ вступаетъ во всѣ права страхователя относительно взысканія убытковъ съ правонарушителя ²⁾. Но если страховщикъ имѣетъ право искать съ правонарушителя возврата страховой суммы, то, значитъ, онъ не несетъ, въ данномъ случаѣ, никакого риска по застрахованному предмету, ибо рискъ въ томъ и состоитъ, что никто не вознаграждаетъ за понесенную потерю; а разъ нѣтъ принятія риска, то нѣтъ и страхового договора, а получается какая-то комиссіонная сдѣлка ³⁾. — Тѣмъ не менѣе, большинство писателей, равно-какъ наше и другія законодательства держатся того взгляда, что страховщикъ отвѣтственъ за преступленія третьихъ лицъ ⁴⁾, — на томъ основаніи, что эти преступленія являются *по*

¹⁾ Т. X. ч. I. ст. 644.

²⁾ Это право регресса признано и нашей судебной практикой: см. Р. Г. К. Д. 82/44, 82/92, 77/331, IV Ден. 32/2986 и др. Н. Г. В. Art. 808 explicite формулируетъ право регресса страховщика: „Hat der Versicherer seine Verpflichtungen erfüllt, so tritt er, insoweit er einen Schaden vergütet hat, dessen Erstattung der Versicherte von einem Dritten zu fordern befugt ist, ... in die Rechte des Versicherten gegen den Dritten“. Также Art. 826, которая даетъ страховщику право требовать отъ страхователя добросовѣстнаго содѣйствія въ его процессѣ противъ третьяго лица. Ср. Voigt, стр. 162, 468 ff.

³⁾ Степановъ, стр. 100—102. Contra: Видицъ, стр. 49—50; Мейеръ, стр. 549.

⁴⁾ См. Уставы всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ, которые знаютъ только одинъ случай неответственности страховщика: злой умыселъ (dolus) самаго страхователя; тоже „Полож. о взаимн. страх. отъ огня“ п. 33 Р. Г. К. Д.

отношенію къ страхователю несчастнымъ случаемъ. Подобный взглядъ, несостоятельный съ научной точки зрѣнія, оправдывается, быть-можетъ, удобствами практической жизни.

Д) Страховщикъ не отвѣчаетъ за такой ущербъ въ застрахованномъ предметѣ, который есть необходимое послѣдствіе природныхъ свойствъ самой вещи, ея *внутреннихъ пороковъ*, или, какъ выражается нашъ законъ: „...когда товаръ отъ свойства своего...окажется поврежденнымъ, начавшимъ гнить, кипнуть или течь, безъ наружной къ тому причины“ (Уст. Торг.

^{79/137, 83/87, 71/343} и др.—Нѣсколько иначе рѣшается этотъ вопросъ въ томъ случаѣ, когда виновникомъ преступленія, или проступка (или вообще, несчастнаго случая), въ договорѣ морскаго страхования, является такое третье лицо, которое служить у страхователя по договору личнаго найма,—напр. шкиперъ, матросы, носильщики, чернорабочіе и т. п. Писатели и законодательства, при разрѣшеніи вопроса объ отвѣтственности страховщика въ этихъ случаяхъ (носящихъ техническое названіе „бараттерін“) исходятъ не изъ существа страховаго договора, а изъ понятія о представительствѣ, изъ началъ древне-римскаго *Actio exercitoria* („*Omnia facta magistri debet praestare is, qui eum praeposuit*“ *L. 1. § 1 de exercit. act.*); согласно этому, одни законодательства, считая какъ шкипера, такъ и экипажъ судна представителями кораблехозяина, освобождаютъ страховщика отъ всякой отвѣтственности предъ послѣднимъ за убытки, происшедшіе вслѣдствіе вины (умышленной, или неосторожной), или неопытности шкипера и экипажа (напр. французское); другія законодательства, не считая ни шкипера, ни экипажъ судна представителями кораблехозяина, возлагаютъ на страховщика отвѣтственность предъ страхователемъ за причиненные ими убытки, точно-также какъ за убытки, причиненные всякимъ третьимъ лицомъ. Последняго взгляда придерживается большинство законодательствъ, въ томъ числѣ и наше (Уст. Торг. ст. 539; впрочемъ оно дѣлаетъ существенное отступленіе въ пользу противоположнаго взгляда: „Если корабль или товаръ отъ *небреженія* корабельщика или служителей сгоритъ или повредится, то страховое общество имѣетъ право *не платитъ* за таковой убытокъ“,—ст. 571; страховщикъ не отвѣчаетъ также за кражу, произведенную корабельщикомъ или людьми экипажа,—ст. 572 п. 5. Это противорѣчіе нашего законодательства не можетъ быть оправдано или объяснено ни съ какой точки зрѣнія. Ср. Вицннъ, стр. 50).—Н. Г. В. Art. 824 п. 6 также придерживается послѣдняго взгляда и не считаетъ ни шкипера, ни экипажъ судна *ex lege* представителями кораблехозяина. Но само собою разумѣется, что если изъ конкретныхъ обстоятельствъ усматривается, что кто-либо изъ лицъ экипажа дѣйствовалъ въ данномъ отдѣльномъ случаѣ по порученію, или приказу кораблехозяина, то страховщикъ освобождается отъ всякой отвѣтственности, такъ-какъ лицо представляемое несетъ по общему правилу отвѣтственность за всѣ дѣйствія своего представителя, совершенныя во исполненіе даннаго ему порученія. Ср. Voigt. стр. 409 ff.

ст. 572 п. 8). Законъ опредѣляетъ размѣръ этого необходимаго ущерба въ 10% стоимости застрахованнаго предмета, если въ полисѣ не значится иначе (ст. 575): убытокъ сверхъ этого установленнаго размѣра предполагается (пока противное не будетъ доказано) послѣдствіемъ несчастнаго случая и лежитъ, поэтому, на отвѣтственности страховщика. Равнымъ образомъ, страховщикъ не отвѣчаетъ и за тотъ ущербъ, который происходитъ отъ естественнаго *употребленія*, изнашиванія вещи, такъ-какъ въ употребленіи заключается самое назначеніе вещи: употребленіе не есть ни несчастіе, ни случайность, а посему и убытки отъ употребленія не могутъ лежать на отвѣтственности страховщика¹⁾.

Обратимся теперь къ опредѣленію *размѣра* отвѣтственности страховщика. Всѣ писатели и всѣ законодательства согласны въ томъ, что страховой договоръ не долженъ и не можетъ служить средствомъ обогащенія для страхователя, а есть лишь средство возмѣщенія за убытки, *дѣйствительно* имъ понесенные отъ даннаго несчастнаго случая. Это—аксіома страховаго дѣла,—аксіома, съ которой, однако, и писатели, и законодательства не всегда соотнобразуются въ своихъ дальнѣйшихъ, частныхъ выводахъ по вопросамъ, возникающимъ изъ договора страхованія²⁾.

1) Уст. Торг. ст. 572 пп. 2, 3 и 4. То-же постановляетъ, напр., и Н. Г. В. Art. 825 п.п. 2 и 3.

2) Ср. Уст. Русск. 103, Коммерч. 91, Якорь 21, Салам. 110, Моск. 95, 1 Росс. 89, Сѣв. 44, Над. 18 и др. Аксіома эта признана и нашимъ Сенатомъ: Р. Г. К. Д. 75/1282, 73/14, 75/237, 79/115, 80/46 и др. Но, къ сожалѣнію, въ вопросѣ о правѣ страховыхъ обществъ производить *переоцѣнку* застрахованнаго имущества во всякое время какъ до, такъ и послѣ пожара Сенатъ, признавъ это право въ принципѣ, въ одномъ частномъ случаѣ (Р. Г. К. Д. 80/118, Русск. общество съ мѣщ. Владимірцевымъ) отступилъ отъ этого кореннаго начала, признавъ за Обществомъ право переоцѣнки только въ тѣхъ случаяхъ, если первоначальная оцѣнка товара была сдѣлана *вообще* (безъ подробнаго наименованія каждаго товара), а не тогда, когда оцѣнка была сдѣлана *особо* (поименно) и товаръ *еще* сгорѣлъ; это отступленіе Сенатъ сдѣлалъ, основываясь на толкованіи § 103 Устава Русск. Страховаго отъ огня Общества,—параграфа, довольно ясно изложеннаго; но, мнѣ кажется, всякое сомнѣніе должно было, въ данномъ случаѣ, быть истолковано въ пользу общихъ началъ страховаго договора, такъ какъ изыятія никогда не предполагаются. Столь-же неправильнымъ представляется

Обыкновенно, хотя и не необходимо, договоръ страхованія совершается *письменно* ¹⁾, и этотъ письменный актъ договора именуется полисомъ. Никакой обязательной, закономъ установленной формы для полиса не существуетъ; необходимо только, чтобы въ немъ были означены всѣ существенные элементы договора вообще и страхового въ частности. Такъ, точное означеніе предмета, отдаваемого на страхъ, безусловно необходимо, ибо всякая неопредѣленность въ предметъ, какъ существенномъ элементѣ страхового договора, дѣлаетъ послѣдній ничтожнымъ; тоже самое нужно сказать объ остальныхъ необходимыхъ элементахъ страхового договора: контрагентахъ (страхователѣ и страховщикѣ), срокѣ и преміи ²⁾.

ся мнѣ и рѣшеніе Сената 73/14, въ которомъ Сенатъ, толкуя § 84 Устава того-же Общества: „Правленію Общества и агентамъ онаго предоставляется право повѣрять объявленія, описи и оцѣнки, какъ прежде застрахованія, такъ и послѣ онаго, посредствомъ составленія подробныхъ смѣтъ и даже послѣ случившагося пожара, если это представится, по обстоятельствамъ, возможнымъ“,—пришелъ къ заключенію, что *умолчаніе* въ этомъ параграфѣ о послѣдствіяхъ повѣрки, производимой послѣ пожара, „...очевидно не случайное, а имѣетъ своимъ основаніемъ то, что Русское Страховое Общество, въ случаѣ когда *все* строеніе сгоритъ, производить вознагражденіе полное по цѣнѣ, въ которой оно было *застраховано*“. Я думаю, было-бы гораздо правильнѣе истолковать это *умолчаніе* въ пользу общихъ началъ страхового договора.

1) Только договоръ *морскаго* страхованія долженъ быть, по русскому праву, совершенъ непременно *письменно* (Уст. Торг. ст. 549). Эту статью нельзя толковать распространительно, такъ-какъ по общему правилу, письменная форма составляетъ *корпусъ* сдѣлки только въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ *explicite* этого требуетъ; между-тѣмъ, въ области континентальнаго страхованія, никакого прямого требованія на этотъ счетъ наше законодательство не содержитъ (Ср. Степановъ, стр. 128). Что касается иностранныхъ законодательствъ, то англійское морское право, подобно нашему, считаетъ письменную форму *корпусомъ* страхового договора: „No contract or agreement for sea-insurance shall be valid unless the same is expressed in a policy...“ Французскій Code de Commerce также требуетъ письменной формы („Le contrat d'assurance est rédigé par écrit“); но практика нисколько не связываетъ съ нарушеніемъ этого требованія недействительности договора. Напротивъ того, нѣмецкое право не придаетъ никакого значенія письменной формѣ: „Es bedarf, um einen rechtsverbindlichen Versicherungsvertrag zu Stande zu bringen, der schriftlichen Vollziehung desselben nicht“. Н. G. B. Art. 788). Ср. Voigt, стр. 61 ff.

2) Степановъ, стр. 133, 135, 146 и 148.

Что касается стоимости застрахованного предмета, то означеніе ея въ полисѣ не представляется необходимымъ и зависитъ отъ усмотрѣнія сторонъ, — такъ-какъ изъ самаго существа страхового договора вытекаетъ, что страховщикъ отвѣчаетъ въ предѣлахъ полной стоимости застрахованного предмета, если въ полисѣ не означено иначе ¹⁾). Означеніе этой стоимости въ полисѣ, хотя-бы и сдѣланное съ согласія страховщика, не лишаетъ послѣдняго права оспаривать въ послѣдствіи справедливость этой оцѣнки, если она была сдѣлана выше дѣйствительной стоимости предмета, такъ-какъ подобная неправильная оцѣнка клонилась-бы къ обогащенію страхователя ²⁾). Мало того, если-бы даже страховщикъ, при заключеніи договора, формально обязался не оспаривать въ послѣдствіи справедливости первоначальной оцѣнки, то такое обязательство, какъ клонящееся къ недозволенному обогащенію страхователя, было-бы юридически ничтожно ³⁾). Такимъ образомъ, отличіе таксированнаго полиса отъ открытаго состоитъ лишь въ томъ, что, при таксированномъ полисѣ, *onus probandi* невѣрности оцѣнки лежитъ на страховщикѣ, тогда-какъ при открытомъ полисѣ, на страхователѣ лежитъ тяжесть доказать вѣрность каждой копѣйки показываемаго имъ убытка ⁴⁾).

Дѣйствительная, полная стоимость застрахованного предмета называется *технически страховою цѣною* (*Versicherungswerth*). Понятно, что отвѣтственность страховщика, по соглашенію сторонъ, можетъ быть опредѣлена и ниже страховой цѣны, — что

1) Voigt, стр. 99. Полисы, въ которыхъ показана стоимость застрахованнаго имущества, называются *таксированными* (*taxirte Police*), а тѣ, въ коихъ эта стоимость не означена, — *открытыми* (*offene police*). Ср. Н. G. B. Art. 797.

2) Ср. выше стр. 75, Примѣчаніе I. Право переоцѣнки признано, съ нѣкоторыми незначительными оговорками, законодательствами всѣхъ странъ. Нѣмецкое право допускаетъ ее только въ случаѣ „существеннаго“ превышенія дѣйствительной стоимости предмета: „Der Versicherer ist jedoch befugt, eine Herabsetzung der Taxe zu fordern, wenn er beweist, dass dieselbe wesentlich überschätzt sei“ (Н. G. B. Art. 797); вопросъ о существенности или маловажности этого превышенія разрѣшается по усмотрѣнію суда. Voigt, стр. 100.

3) Т. X. ч. 1 ст. 1528; Вицинь, стр. 73—74.

4) Voigt, 99; Вицинь, стр. 74.

часто и бываетъ въ дѣйствительности, особенно въ тѣхъ отрасляхъ страхованія, гдѣ легче всего возможны злоупотребленія со стороны страхователя, какъ-напр. при страхованіи скота, въ которомъ почти невозможно констатировать злой умыселъ со стороны страхователя ¹⁾. Та сумма, въ предѣлахъ которой страховщикъ обязался отвѣчать предъ страхователемъ за гибель застрахованнаго предмета, называется *страховой суммой* (die Versicherungssumme). Изъ изложеннаго очевидно, что страховая сумма ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать страховую цѣну,—ибо это клонилось-бы къ обогащенію страхователя ²⁾,—но она всегда можетъ быть *ниже* страховой цѣны. И такъ, страховая сумма означаетъ *предѣлъ* отвѣтственности страховщика, который не отвѣчаетъ за убытки, превышающіе страховую сумму, хотя-бы страховая цѣна и была гораздо выше. Съ другой стороны, очевидно, что если ущербъ, нанесенный застрахованному предмету дѣйствіемъ обусловленнаго несчастнаго случая, ниже страховой суммы, то страховщикъ платитъ только цифру *дѣйствительнаго убытка*, а не всю страховую сумму,—ибо, повторяю, послѣдняя выражаетъ только максимальный *предѣлъ* возможной отвѣтственности страховщика, а не опредѣленную, неизмѣняющую сумму, платимую подъ условіемъ наступленія извѣстнаго несчастнаго случая: въ этомъ-то и лежитъ коренное отличіе страховаго договора отъ обыкновенной условной сдѣлки ³⁾.

Иногда, при частичной гибели застрахованнаго имущества, бываетъ трудно опредѣлить стоимость дѣйствительнаго убытка,

1) „Полож. о взаимн. страх. отъ огня“ прямо постановляетъ, что страховая сумма не должна быть выше *двухъ третей* оцѣнки (п. 51). Слишкомъ высокая страховая сумма, назначаемая нашими страховыми отъ огня обществами, несомнѣнно способствуетъ увеличенію количества поджоговъ, и вредно отражается какъ на народномъ хозяйствѣ, такъ и на общественной нравственности.

2) Уст. Тор. ст. 546 п. 1.; Степановъ стр. 144—146; Видный, стр. 73. Н. Г. В. Art. 790: „.... Die Versicherungssumme kann den Versicherungswerth nicht übersteigen.—Soweit die Versicherungssumme den Versicherungswerth übersteigt (Uebersicherung), hat die Versicherung keine rechtliche Geltung“.

3) Уст. Торг. ст. 561; Уст. Русск. § 103, Коммерч. 92, 93 и 107 и др.

такъ-какъ это связано съ констатированіемъ не только стоимости поврежденнаго предмета, но и степени нанесеннаго ему ущерба. И вотъ, во избѣжаніе возможныхъ споровъ и тяжбъ, наше законодательство предоставляетъ страховщику право удовлетворить страхователя двоякимъ путемъ: либо просто уплатить ему стоимость убытка, либо, *взявъ себѣ поврежденный предметъ*, уплатить страхователю полную страховую сумму. Это право страховщика носить техническое названіе *абандона* ¹⁾.

Такъ-какъ обязанность страховщика состоитъ въ возмѣщеніи страхователю всякаго ущерба, какой приключится застрахованному предмету въ теченіе срока дѣйствія страховаго договора, то, очевидно, наступленіе обусловленнаго несчастнаго случая и возмѣщеніе происшедшихъ отъ сего убытковъ не избавляетъ страховщика отъ отвѣтственности за дальнѣйшія несчастія того-же рода, могущія приключиться застрахованному предмету, до тѣхъ поръ, пока сумма всѣхъ этихъ частичныхъ поврежденій не исчерпаетъ всей страховой суммы. Это вытекаетъ изъ того, что страховщикъ отвѣчаетъ за цѣлость *всего* застрахованнаго предмета; слѣд., возмѣщеніе за погибшую часть этого предмета не избавляетъ его отъ отвѣтственности за цѣлость остальныхъ частей, пока длится договоръ и пока не исчерпана страховая сумма ²⁾. Поэтому, необходима прямая оговорка *въ пользу* для того, что-

¹⁾ Уст. Торг. ст. 569; Русск. § 106 п. 6., Коммерч. § 103 п. 10. Иностраннаго законодательства, на оборотъ, считаютъ абандонъ правомъ *страхователя*,—что врядъ-ли совмѣстно съ существомъ страховаго договора, ибо навязываетъ страховщику, противъ его воли, приобрѣтеніе въ собственность чужихъ вещей; но за то иностраннаго законодательства ограничиваютъ право абандона очень тѣснымъ кругомъ случаевъ. Такъ, нѣмецкое право допускаетъ абандонъ только въ случаѣ безвѣстной пропажи корабля, или похищенія вооруженной рукой корабля или груза (H. G. B. Art. 865); англійское право допускаетъ его только въ случаѣ полной гибели застрахованнаго предмета, разумѣя подъ послѣдней и такое поврежденіе, расходы на исправленіе котораго поглащаютъ стоимость самаго предмета; французское право признаетъ абандонъ и въ случаѣ частичной гибели, если только она поражаетъ не менѣе трехъ четвертей стоимости застрахованнаго предмета. Voigt, стр. 635 и 647; Степановъ стр. 186; ср. Вилъямъ, стр. 113; Мейеръ, стр. 556.

²⁾ Степановъ, стр. 188.

бы страховщикъ имѣлъ право, при всякомъ поврежденіи застрахованнаго предмета, хотя-бы далеко не исчерпывающемъ страховой суммы, отказаться отъ дальнѣйшей отвѣтственности по страховому договору. Уставы нашихъ страховыхъ обществъ предоставляютъ послѣднимъ право прекращать дѣйствіе страховаго договора, какъ только сумма убытковъ отъ даннаго несчастнаго случая достигнетъ 20% страховой суммы, при чемъ страховая премія не возвращается страхователю ¹⁾; нѣкоторые изъ этихъ уставовъ предоставляютъ страховщикамъ право прекращать силу договора даже и тогда, когда убытки отъ несчастнаго случая и не достигли 20% страховой суммы, — но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, общество возвращаетъ страхователю соотвѣтственную часть преміи, сообразно количеству времени, остающемуся до истеченія условленнаго срока договора ²⁾.

Но, съ другой стороны, разъ страховая сумма исчерпана, страховщикъ не отвѣтственъ за дальнѣйшій ущербъ, хотя-бы онъ приключился и до истеченія срока договора ³⁾. Это вытекаетъ изъ самаго понятія страховой суммы, которая выражаетъ собою *предѣлъ* отвѣтственности страховщика; то обстоятельство, что срокъ договора еще не исчерпанъ, ничего не измѣняетъ, такъ-какъ и полная гибель предмета, застрахованнаго, скажемъ, на годъ, можетъ случиться на другой-же день послѣ заключенія страховаго договора, а между-тѣмъ, всѣ согласны въ томъ, что съ уплатою, въ этомъ случаѣ, полной страховой суммы, всѣ обязательства страховщика считаются исполненными, а страховой договоръ прекратившимъ свое существованіе. Наше законодательство допускаетъ, въ области морскаго страхованія, одно лишь изъятіе изъ этого кореннаго начала: именно, когда судно потерпитъ аварію, вслѣдствіе которой потребуются издержки на спасеніе застрахованнаго предмета, которыхъ нельзя будетъ по-

1) Русск. § 109, Коммерч. 110, Якорь 28, Салам. 116 и др.

2) Напр. Коммерч. § 111.

3) Contra: Видный, стр. 115.

крыть ни бодмерейными деньгами, ни новымъ застрахованіемъ, — т. е. когда эти издержки нельзя будетъ переложить на другого страховщика ¹⁾). Напр., судно терпитъ аварію, производится издержки на его починку, но, затѣмъ, оно совершенно гибнетъ: страховщикъ отвѣчаетъ и за убытки отъ аваріи, хотя-бы они вмѣстѣ со стоимостью судна и превысили страховую сумму, если только страхователь дѣлалъ безуспѣшныя попытки застраховать рискъ по издержкамъ на устраненіе аваріи у другого страховщика ²⁾).

Если страховая сумма равна страховой цѣнѣ, то это значить, что страховщикъ принялъ на себя отвѣтственность за полную стоимость застрахованнаго предмета, вслѣдствіе чего отвѣчаетъ *полностью* какъ за цѣлостную гибель вещи, такъ и за всякій частичный ущербъ. Но если страховая сумма ниже страховой цѣны, то это означаетъ, что застрахованный предметъ не весь находится на страхѣ у страховщика, а только въ размѣрѣ страховой суммы, и что остальная часть, въ размѣрѣ разницы между страховой цѣной и страховой суммой, находится на страхѣ у самого страхователя, т. е. рискъ по этой части не снять съ послѣдняго. Поэтому, уплачивая, при полной гибели застрахованнаго предмета, всю страховую сумму, страховщикъ, при частичной гибели, уплачиваетъ не всю стоимость убытка, а лишь ту его часть, какая упадетъ на него по соразмѣрности страховой суммы съ страховой цѣной. Такъ, если страховая сумма составляетъ лишь $\frac{3}{4}$ страховой цѣны, то, при частичной гибели, страховщикъ платитъ только $\frac{3}{4}$ убытка, а остальная $\frac{1}{4}$ лежитъ на самомъ страхователѣ ³⁾).

Обязанность страховщика состоятъ въ устраненіи послѣдствій несчастнаго случая: страховщикъ возстановляетъ разрушенное и, тѣмъ самымъ, дѣлаетъ для страхователя нечувствительнымъ тотъ ущербъ

1) Уст. Торг. ст. 568.

2) Вицнъ, стр. 115—116. Это изъятіе признается судебною практикою почти всѣхъ государствъ.

3) Уст. Торг. ст. 551.

и ту гибель, которые постигли застрахованный предмет; последний является, для страхователя, какъ-бы фениксомъ, вновь воскресающимъ изъ пепла. Ничто такъ не соответствуетъ сущности страхового договора, какъ возстановленіе разрушеннаго *натурою*: здѣсь идея страхового договора является въ самомъ чистомъ видѣ. Никогда, поэтому, не слѣдуетъ забывать, что хотя обязательство страховщика выражается обыкновенно въ страховой суммѣ, т. е. въ извѣстной денежной цифрѣ, но страховщикъ, тѣмъ не менѣе, всегда имѣетъ право исполнить свое обязательство *натурою*,—хотя-бы объ этомъ правѣ въ полисѣ и не было упомянуто ¹⁾. Правда, возстановленіе разрушеннаго рѣдко производится натурою, такъ-какъ это сопряжено для страховщика съ большими неудобствами и хлопотами; поэтому, страховщикъ прибѣгаетъ къ этому способу только въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря недобросовѣстности страхователя, представляется слишкомъ труднымъ опредѣлить, въ денежной суммѣ, во что обойдется возстановленіе разрушеннаго, и когда есть основаніе подозревать, что страховая сумма слишкомъ высоко опредѣлена въ договорѣ. Въ большинствѣ же случаевъ, страховщикъ уплачиваетъ стоимость погибшаго деньгами, въ предѣлахъ *дѣйствительной* стоимости погибшаго. Но что разумѣется здѣсь подъ *дѣйствительной* стоимостью предмета?

Прежде всего имѣется въ виду, конечно, *рыночная* цѣна, а не субъективная оцѣнка страхователя. Для послѣдняго, извѣстный предметъ, при ничтожной рыночной цѣнѣ, можетъ часто имѣть огромное значеніе по чисто-субъективнымъ чувствамъ и соображеніямъ. Очевидно, эта субъективная мѣрка нисколько не обязательна для страховщика, такъ-какъ гражданское право имѣетъ дѣло съ имущественными отношеніями, поддающимися точному измѣренію на деньги, а не съ субъективными чувствами ²⁾. Другими словами, *дѣйствительной* стоимостью вещи будетъ та

1) Степановъ, стр. 177.

2) Степановъ, стр. 178.

цѣна, за которую она *обыкновенно* продается въ данное время, въ данномъ мѣстѣ и при данныхъ обстоятельствахъ ¹⁾).

Но спорнымъ въ наукѣ является вопросъ о томъ, по какому моменту должна опредѣляться цѣна погибшаго предмета: по моменту-ли застрахованія, или-же по моменту несчастія? Какъ я выше объяснилъ, страховщикъ обязанъ возмѣстить только *за действительный* ущербъ; слѣд., размѣръ этого ущерба опредѣляется моментомъ *несчастія*: страхователь могъ лишиться только того, чѣмъ онъ дѣйствительно обладалъ въ моментъ несчастія, а не того, чѣмъ онъ обладалъ когда-то, въ моментъ застрахованія. Отъ момента застрахованія до момента несчастія можетъ протечь извѣстное время, въ теченіе котораго застрахованный предметъ утратить часть своей цѣнности отъ употребленія, отъ уменьшенія спроса и т. п.: очевидно, нельзя возлагать на страховщика ответственности за эти потери, такъ-какъ онѣ произошли не отъ условленнаго несчастнаго случая, а совсѣмъ отъ другихъ причинъ, которыя даже не входятъ въ область страхованія ²⁾). Кроме того, вознагражденіе по моменту застрахованія могло-бы служить къ обогащенію страхователя въ томъ случаѣ, если-бы рыночная цѣна предмета въ моментъ несчастія была ниже, чѣмъ въ моментъ застрахованія: страхователь получилъ-бы, въ данномъ случаѣ, не то, чего стоитъ вещь въ моментъ несчастія, т. е. не то, чего онъ дѣйствительно лишился, а то, чего вещь стоила когда-то;—другими словами, страхователь выигрывалъ-бы на страховомъ договорѣ то, что онъ терялъ отъ разныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ страхованіемъ. Я ужъ не говорю о томъ, что при по-

¹⁾ Valere res dicitur, quantum vendi potest. Voigt, стр. 117.

²⁾ Имѣя это въ виду, наше законодательство прямо устанавливаетъ, относительно аварій корабля и его принадлежностей, размѣръ того вычета, который страховщикъ имѣетъ право сдѣлать изъ страховой суммы для покрытія разности въ стоимости новаго и стараго корабля,—именно, размѣръ этотъ составляетъ одну треть страховой суммы (или, вообще, страховаго вознагражденія); но вычетъ этотъ допускается въ томъ лишь случаѣ, если корабль былъ уже въ употребленіи не менѣе года (Уст. Торг. ст. 564).

добномъ способѣ вознагражденія, страхователь имѣлъ-бы прямой интересъ въ гибели вещи,—а это противорѣчить и справедливости, и интересамъ общественнаго порядка, представляя соблазнъ къ злостному истребленію застрахованнаго имущества ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, конечно, вознагражденіе, платимое страховщикомъ, не должно превышать страховой суммы, ибо повторяю, значеніе послѣдней въ томъ и состоитъ, что она есть предѣлъ ответственности страховщика. Согласно вышеизложенному, если, напр., застрахованный грузъ погибаетъ въ открытомъ морѣ, то страховщикъ отвѣчаетъ за него по той цѣнѣ, за которую онъ былъ-бы проданъ въ портъ *назначенія*, если-бы благополучно достигъ его: моментъ несчастія здѣсь, очевидно, тождественъ съ моментомъ прибытія груза въ мѣсто назначенія.

Такъ-какъ застрахованный предметъ лежитъ, съ момента заключенія страхового договора, всецѣло на страхѣ страховщика, то въ цѣлости его заинтересованъ исключительно послѣдній; страхователь-же только въ томъ случаѣ заинтересованъ въ этой цѣлости, если страховая сумма ниже страховой цѣны, —потому что рискъ по этой разности, какъ мы выше видѣли, лежитъ на страхователѣ. Тѣмъ не менѣе, послѣдній въ всякомъ случаѣ, хотя-бы предметъ былъ застрахованъ въ полную стоимость, обязанъ заботиться, въ случаѣ наступленія несчастнаго случая, о спасеніи застрахованнаго предмета. Одни изъ уставовъ нашихъ страховыхъ обществъ считаютъ эту обязанность только нравственной, съ несоблюденіемъ которой не связывается никакихъ юридическихъ послѣдствій для страхователя ²⁾; другіе-же напротивъ того, предписываютъ соблюденіе ея подѣ страхомъ по-

1) Степановъ, стр. 181—184; Вишнь, стр. 95—98; Уст. Торг. ст. 564; Русск. § 103, Комерч. §§ 100 и 105 и др. уставы.—Нѣмецкое право, напротивъ того, опредѣляетъ цѣну погибшаго предмета по моменту застрахованія: Н. G. V. Art. 799 и 803. Ср. Voigt, стр. 119—120 и 147.

2) Напр., Уст. Комерч. § 95: „Во время пожара владѣлецъ обязанъ стараться всѣми мѣрами спасти застрахованное имущество, точно такъ, какъ-бы это имущество не было застраховано, послѣ пожара собрать и сохранить спасенную часть имущества“.

тери права на страховое вознаграждение¹⁾). Но какъ, спрашивается, опредѣлить юридически ту степень рвенія, которую долженъ проявлять страхователь при спасеніи застрахованнаго имущества? Возможно-ли взвѣсить на юридическихъ вѣсахъ вліяніе личнаго характера страхователя, его подвижности, или флегматичности, вліяніе того психическаго угнетенія, въ которое онъ можетъ быть поверженъ страхомъ опасности, и т. п.? Исходя изъ сущности страхового договора, я считаю несомнѣннымъ лишь одно: страхователь безусловно лишается права на вознагражденіе въ томъ случаѣ, если во время несчастія *сознательно и злонамеренно* бездѣйствуетъ, чтобы воспользоваться гибелью застрахованнаго предмета для полученія вознагражденія отъ страховщика²⁾).

Я только-что сказалъ, что когда страховая сумма равна страховой цѣнѣ, то страхователь ни сколько не заинтересованъ въ цѣлости застрахованнаго предмета. Вслѣдствіе этого, всѣ расходы и убытки, понесенные страхователемъ, для предупрежденія и пресѣченія несчастія, должны падать на страховщика, независимо отъ условленной страховой суммы³⁾): производя эти расходы, страхователь является *представителемъ* интересовъ страховщика, на котораго по этому и должны пасть эти расходы,—не какъ на страховщика, а какъ на лицо представляемое, обязанное, по общему правилу, вознаградить представителя за расходы, понесенные послѣднимъ въ интересахъ

¹⁾ Ср. Ноткинъ, стр. 19.

²⁾ Степановъ, стр. 171.

³⁾ Степановъ, стр. 185. Къ этимъ расходамъ относятся, напр., тушеніе пожара, поврежденія въ горящемъ домѣ, дѣлаемые для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія пожара, перевозка застрахованныхъ предметовъ въ безопасное мѣсто, и т. п. Съ этой точки зрѣнія, характерно, что наши страховые отъ огня общества платятъ обыкновенно извѣстное вознагражденіе пожарнымъ командамъ за успѣшное тушеніе пожаровъ; такъ—напр., одно изъ этихъ обществъ расходуетъ ежегодно на этотъ предметъ отъ 8 до 10 тысячъ рублей („Русск. вѣст.“, 1887 г. № 1. ст. Л: „Пожары, пожарныя средства и страхованіе отъ огня въ Россіи“, стр. 386).

перваго. Съ этимъ согласны уставы всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ ¹⁾ и наше законодательство ²⁾. Но понятно, что въ томъ случаѣ, когда страховая сумма ниже страховой цѣны, то на страхователя падаетъ та часть расходовъ по спасенію застрахованнаго предмета, какая причтется на его долю по соразмѣрности лежащаго на немъ риска; если, напр., страховая сумма составляетъ лишь $\frac{3}{4}$ страховой цѣны, то это значить, что $\frac{1}{4}$ стоимости вещи лежитъ на рискѣ страхователя, на котораго поэтому упадетъ и четвертая часть расходовъ по спасенію застрахованнаго предмета.

И такъ, размѣръ отвѣтственности страховщика опредѣляется двумя факторами, двумя слагаемыми: 1) рыночной цѣной погибшаго предмета въ моментъ несчастія ³⁾ и 2) стоимостью расходовъ, употребленныхъ для предупрежденія, или пресѣченія обусловленнаго несчастнаго случая.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію дѣйствія страховаго договора во времени. Изъ даннаго мною опредѣленія страховаго договора ⁴⁾, мы видѣли, что *срокъ* есть существенная составная часть этого договора. Въ самомъ дѣлѣ, если въ страховомъ договорѣ не будетъ означено срока, на который онъ заключенъ, то такой договоръ, какъ и всякая сдѣлка, совершенная подъ условіемъ наступленія извѣстнаго положительнаго событія, будетъ сохранять свою силу до тѣхъ поръ, пока не станетъ положительно-извѣстной невозможность наступленія этого событія ⁵⁾, — т. е. страховой договоръ сохранялъ-бы свою силу до момента

1) Русск. §§ 93 и 107, Коммерч. 90 и 95, Якорь 1, Салаж. 101 и 115 и др.

2) Уст. Торг. ст. 509, 568 и 569. Ст. 569 опредѣляетъ, что если страховщикъ воспользуется правомъ абандона, то онъ „платитъ издержки по принатію, перевозу, сбереженію, храненію и продажѣ спасеннаго“. Н. Г. В. Art. 844 содержитъ подобное-же постановленіе, изложенное тамъ съ образцовой ясностью.

3) При частичной гибели предмета, изъ этой цѣны вычитается стоимость остатковъ.

4) См. выше, стр. 8.

5) Мейеръ, стр. 150.

гибели застрахованнаго предмета, ибо пока предметъ существуетъ, до тѣхъ поръ о немъ нельзя съ увѣренностью сказать, что данное несчастіе не постигнетъ его. Но такъ-какъ существуетъ полная вѣроятность, что каждый предметъ когда-нибудь да погибнетъ, то отсюда ясно, что при отсутствіи въ страховомъ договорѣ опредѣленія касательно срока его дѣйствія, обязательство страховщика принимаетъ характеръ необходимости, — что противорѣчитъ существу страховаго договора, предполагающаго несчастіе возможнымъ, а не необходимымъ. И такъ, если въ страховомъ договорѣ не обозначенъ предѣльный срокъ его дѣйствія, и срокъ этотъ не можетъ быть опредѣленъ посредствомъ одного изъ способовъ толкованія договоровъ, то такой договоръ надо считать ничтожнымъ, по отсутствію одного изъ необходимыхъ его элементовъ ¹⁾. По уставамъ нашихъ страховыхъ обществъ, страховой договоръ можетъ быть заключенъ на всякій срокъ ²⁾; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ не допускаютъ страхованія менѣе, чѣмъ на три мѣсяца ³⁾.

Нѣсколько спорнымъ является вопросъ о томъ, съ какого момента считать страховой договоръ заключеннымъ, т. е. вступившимъ свою силу: съ момента-ли состоявшагося соглашенія сторонъ, или съ момента уплаты страховой преміи, или съ момента подписанія полиса или, наконецъ, съ момента выдачи полиса страхователю? — Прежде всего, необходимо замѣтить, что современное право чуждо того формализма, которымъ проникнуто древнее право и, въ частности, право римское. Современное право требуетъ для бытія договора, по общему правилу, лишь согласія контрагентовъ, такъ-какъ это согласіе составляетъ душу и условіе *sine qua* поп всякаго договора. Что же касается до разныхъ формальностей, напр., письменной формы договора, то современное право требуетъ ихъ лишь иногда,

¹⁾ Степановъ, стр. 150; Вицинъ, стр. 7.

²⁾ Коммерч. § 63, Якорь 13 и др.

³⁾ Напр. Русск. § 67 и др.

въ видахъ общественнаго интереса, связаннаго съ существованіемъ или переходомъ тѣхъ или другихъ правъ. Такъ, для перехода недвижимыхъ имуществъ наше законодательство требуетъ безусловно совершенія купчей крѣпости, — руководствуясь, съ одной стороны, важнымъ значеніемъ недвижимыхъ имуществъ въ народномъ и частномъ хозяйствѣ, а съ другой — фискальными соображеніями. И такъ, письменная форма обуславливаетъ бытіе договора лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такое требованіе прямо выражено въ законѣ. Такъ-какъ наше законодательство требуетъ письменной формы лишь для договора *морского* страхованія ¹⁾, то, слѣдовательно, договоръ континентальнаго страхованія оно считаетъ договоромъ консенсуальнымъ, т. е. получающимъ свою силу съ того момента, когда стороны согласились между собой относительно вѣхъ существенныхъ элементовъ страховаго договора: преміи, предмета и срока ²⁾. Но такъ-какъ дѣйствительный рискъ по вещи начинается для страховщика лишь съ момента уплаты страхователемъ страховой преміи, — ибо безъ преміи нѣтъ риска ³⁾, — то отвѣтственность страховщика по страховому договору начинается лишь съ момента *полученія* имъ условленной *страховой преміи*, — развѣ-бы страховщикъ въ договорѣ *explicite* выразилъ свое согласіе на отсрочку платежа страховой преміи. Такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ и уставы нашихъ страховыхъ обществъ ⁴⁾, равно-какъ и кассационная практика нашего Сената ⁵⁾.

1) Уст. Торг. ст. 549 и 550 Видный, стр. 63—64.

2) Степановъ, стр. 152. Ср. выше, стр. 75—76, Примѣч. 2.

3) Уст. Торг. ст. 556. Ср. Voigt, стр. 64; Н. Г. В. Art. 816: Die Prämie ist, sofern nicht ein Anderes vereinbart ist, sofort nach dem Abschluss des Vertrags, und wenn eine Polize verlangt wird, gegen Auslieferung der Polize fällig.

4) Почти всѣ эти уставы постановляютъ, что срокъ дѣйствія страховаго договора начинается съ 12 ч. того дня, когда послѣдовалъ платежъ преміи Правленію, или мѣстному агенту.

5) Р. Г. К. Д. 73/1187: „Договоръ страхованія признается состоявшимся по уплатѣ страховой преміи и полученіи квитанціи, а не со времени выдачи полиса“.

Степановъ, вполне соглашаясь съ тѣмъ, что страховой договоръ есть договоръ консенсуальный, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны придали ему письменную форму, онъ получаетъ свою силу не съ момента состоявшагося соглашенія, и не съ момента уплаты преміи, и даже не съ момента подписанія полиса, а лишь съ момента *выдачи полиса* страхователю,—на томъ соображеніи, что назначеніе полиса — „служить *доказательствомъ* ¹⁾ существованія договора, а это качество онъ получаетъ лишь тогда, когда находится въ рукахъ стороны, заявляющей требованія ²⁾“. Это мнѣніе я считаю совершенно ошибочнымъ: разъ полисъ представляетъ собою не корпусъ сдѣлки, а лишь доказательство ея существованія,—какъ это признаетъ самъ г. Степановъ,—то онъ уже не является существеннымъ элементомъ сдѣлки и не можетъ служить исходною точкою для рѣшенія настоящаго вопроса. Равнымъ образомъ, договоръ можетъ быть либо консенсуальнымъ, либо формальнымъ: но быть одновременно и тѣмъ, и другимъ онъ не можетъ; а между-тѣмъ, г. Степановъ дѣлаетъ его консенсуальнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совершенъ словесно, и формальнымъ, когда сторонамъ заблаговременно обложено въ письменную форму.

Перехожу къ разсмотрѣнію обязательствъ страхователя.

Главная обязанность страхователя заключается въ уплатѣ страховой *преміи*, какъ эквивалента за тотъ рискъ, который принимаетъ на себя страховщикъ. Сущность страховаго договора заключается въ передачѣ и принятіи риска по данной вещи; рискъ-же есть одновременная возможность потери и выгоды; слѣд., рискъ принимается всегда въ обмѣнъ за извѣстную плату, ибо безвозмездное принятіе риска исключаетъ самое понятіе риска, превращаясь въ дареніе. Это выражается афоризмомъ: нѣтъ риска безъ преміи. Съ другой стороны: нѣтъ преміи безъ

¹⁾ Подчеркнуто мною.

²⁾ Степановъ, стр. 152; ср. Вицынъ, стр. 83.

риска,—ибо премія есть плата за рискъ, и гдѣ нѣтъ послѣд-
няго, тамъ не за что и платить премію ¹⁾. Этими двумя
афоризмами опредѣляется обязанность страхователя по уплатѣ
преміи.

1) Такъ-какъ премія есть плата за рискъ,—такъ-сказать
цѣна риска, то и должна быть уплачиваема, подобно цѣнѣ
продажи, при самой передачи риска, т. е. при самомъ заклю-
ченіи договора. Конечно, страховщикъ можетъ, по соглашенію
съ страхователемъ, отсрочить уплату преміи, но такая отсрочка
должна быть прямо оговорена въ договорѣ; при отсутствіи по-
добной оговорки, страхователь, eo ipso, обязанъ уплатить пре-
мію при самомъ заключеніи договора,—иначе страховщикъ осво-
бождается отъ всякой отвѣтственности ²⁾.

2) Рискъ, по существу своему, *недѣлимъ*, въ томъ смыслѣ,
что несчастіе, отъ котораго застрахованъ предметъ, можетъ на-
ступить во всякій моментъ существованія договора, даже немед-
ленно послѣ его заключенія. Вотъ почему и самая премія *не-*
дѣлима ³⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что страхователь не имѣетъ
права на обратное полученіе преміи, если договоръ существовалъ
хотя-бы одно мгновеніе. Не смотря на очевидную правильность
этого вывода, вниманіе къ практическимъ интересамъ торговли
побудило наше законодательство сдѣлать одно отступленіе, въ силу
котораго „...когда условіе было заключено и на обратный
рейсъ корабля, но сей рейсъ не состоялся, то...*возвращает-*
ся часть преміи, по согласію страховщика съ страхователемъ,
а при несогласіи по опредѣленію суда ⁴⁾.

3) Размѣръ преміи устанавливается, по обоюдному соглаше-
нію страхователя и страховщика, при самомъ заключеніи дого-

1) Степановъ, стр. 106.

2) Уст. Торг. ст. 556; Вицнъ, стр. 83; ср. выше, стр. 91.

3) Степановъ, стр. 167; Вицнъ, стр. 84—85; Н. G. B. Art 902: „Ein
Ristorno findet nicht Statt, wenn die Gefahr für den Versicherer bereits zu
laufen begonnen hat.

4) Уст. Торг. ст. 579.

вора; поэтому, во все время существованія послѣдняго, она должна оставаться *неизмѣнной*, т. е. не подлежитъ ни увеличенію, ни уменьшенію, безъ обоюднаго согласія сторонъ. Правда, въ теченіе срока дѣйствія договора, обстоятельства могутъ сложиться такъ, что рискъ страховщика уменьшится, или увеличится сравнительно съ тѣмъ, каковъ онъ былъ при заключеніи договора, такъ-что премія перестанетъ быть пропорціональной риску: но это неизбѣжное свойство всякаго рискованаго договора ¹⁾.— Понятно также, что размѣръ страховой преміи во всякомъ случаѣ долженъ быть ниже страховой суммы (или страховой цѣны, если не установлена страховая сумма), ибо иначе страховщикъ не несъ-бы никакого риска, — а гдѣ нѣтъ риска, тамъ нѣтъ и страхованаго договора.

4) Такъ-какъ безъ риска нѣтъ преміи, то страхователь имѣетъ право на обратное полученіе преміи (*ристорнъ*) въ томъ случаѣ, когда застрахованный предметъ вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, или *даже по собственной волѣ страхователя* не подвергался никакой опасности, — напр. застрахованный корабль вовсе не отправлялся въ путь ²⁾. Наше законодательство предоставляетъ при этомъ страховщику лишь право удержать въ свою пользу $\frac{1}{2}\%$ съ страховой суммы, въ видѣ вознагражденія за убытки, проистекающіе для него вслѣдствіе односторонняго отказа страхователя отъ договора ³⁾.

Размѣръ страховой преміи опредѣляется тѣми условіями риска, въ которыхъ находится отдаваемый на страхъ предметъ. Поэтому, при самомъ заключеніи страхованаго договора, страхователь обязанъ дать вполнѣ правдивое и точное показаніе о всѣхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ или могущихъ имѣть вліяніе на степень риска по вещи ⁴⁾. Эта обязанность вытекаетъ

¹⁾ Степановъ, стр. 167; Видицъ, стр. 84.

²⁾ Ср. Н. G. B. Art. 899.

³⁾ Уст. Торг. ст. 578; Видицъ, стр. 120—121; Voigt, стр. 787.

⁴⁾ Н. G. B. Art. 810: „Der Versicherungsnehmer ist verpflichtet, bei dem Abschluss des Vertrags dem Versicherer alle ihm bekannten Umstände,

изъ существа страхового договора, какъ способа передачи и принятія риска: рискъ есть существенная часть страхового договора, а известно, что всякая ошибка относительно одной изъ существенныхъ частей какого либо договора влечетъ за собой недействительность послѣдняго ¹⁾. Кроме того, страховщикъ, принимая на себя рискъ по вещи, этимъ самымъ становится, относительно послѣдней, въ положеніе страхователя и, слѣд., долженъ имѣть тѣ-же свѣдѣнія относительно условій риска, окружающихъ эту вещь, какими располагаетъ самъ страхователь ²⁾. Такимъ образомъ, всякое ложное заявленіе, равно-какъ и умолчаніе страхователя объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ степень риска по вещи, влечетъ за собой недействительность страхового договора и освобождаетъ страховщика отъ всякой ответственности по такому договору. Не требуется, чтобы заявленіе страхователя было *завѣдомо* ложное, равно-какъ не требуется, чтобы умолчаніе было непременно *умышленное*;— договоръ, во всякомъ случаѣ, будетъ недействителенъ, если только заявленіе, или умолчаніе такого рода, что вызываютъ въ страховщикѣ невѣрное, т. е. несогласное съ дѣйствительностью представленіе объ условіяхъ риска по отдаваемой на страхъ вещи ³⁾. Разница только въ томъ, что всякій умыселъ со стороны страхователя влечетъ за собой въ данномъ случаѣ, кроме недействительности страхового договора, еще и потерю уплаченной имъ страховой преміи въ пользу страховщика ⁴⁾.

sowie alle ihm zugekommenen Nachrichten resp. anzuzeigen und mitzutheilen, welche wegen ihrer erheblichkeit für die Beurtheilung der von dem Versicherer zu tragenden Gefahr geeignet sind, auf den Entschluss des Letztern, sich auf den Vertrag überhaupt oder unter denselben Bestimmungen einzulassen, Einfluss zu üben“.

1) Мейеръ, стр. 394; Степановъ, стр. 110.

2) Степановъ, стр. 111; Voigt, стр. 181.

3) Н. Г. В. Art. 812 и 813.

4) Уст. Торг. ст. 546 п. 1.; Уставнъ всѣхъ нашихъ страховыхъ о—въ, напр. Русск. 102 п. в., Коммерч. 77 и 87, Якорь 14, Салам. 97 и др.; Степановъ, стр. 122—127; Voigt, стр. 184; Н. Г. В. Art. 815.

Равнымъ образомъ, страхователь обязанъ и послѣ заключенія страхового договора, во все время существованія послѣдняго, увѣдомлять страховщика о всякомъ измѣненіи, послѣдовавшемъ въ условіяхъ риска, окружающихъ застрахованный предметъ, такъ-какъ страховщикъ, принявъ на себя страхъ по предмету при извѣстныхъ условіяхъ риска, не обязанъ нести этотъ рискъ при измѣнившихся условіяхъ и имѣетъ право признать договоръ на дальнѣйшее время для себя не обязательнымъ, удержавъ, въ то-же время, страховую премію въ свою пользу ¹⁾. Само собою разумѣется, что указанныя послѣдствія наступаютъ лишь тогда, когда измѣненіе въ условіяхъ риска произошло по собственной волѣ, или съ соизволенія страхователя; ибо *случайныя* измѣненія этихъ условій падаютъ всецѣло и безусловно на страховщика, по самой сущности страхового договора ²⁾.—Едва-ли нужно говорить, что ложное заявленіе, или умолчаніе со стороны страхователя только въ томъ случаѣ влечетъ за собой не дѣйствительность договора, когда они касаются обстоятельствъ, вліяющихъ на *увеличеніе* риска по вещи; напротивъ того, если страхователь умолчалъ объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ рискъ по вещи, или сдѣлалъ такое ложное заявленіе, вслѣдствіе котораго рискъ этотъ представился въ глазахъ страховщика больше дѣйствительнаго, то подобное умолчаніе или заявленіе не оказываютъ никакого вліянія на силу страхового договора, ибо не будь ихъ, страховщикъ назначилъ-бы меньшую, а не большую премію ³⁾.

1) По уставамъ нашихъ страховыхъ обществъ, послѣднія, если не согласны на продолженіе страхового договора при измѣнившихся условіяхъ риска, возвращаютъ часть страховой преміи, *по расчету времени*, на которое договоръ заключенъ. Но это не оправдывается существомъ страхового договора, ибо, какъ мы выше видѣли, премія *недѣльна*.

2) Степановъ, стр. 118.

3) Code de commerce, art. 346: „Toute reticence, toute fausse déclaration de la part de l'assuré, qui diminueraient l'opinion du risque, annullent l'assurance“.

Если страховой договоръ совершенъ правильно, и условленное несчастіе наступило, то, для полученія страхового вознагражденія, страхователь обязанъ выполнить слѣдующія условія.

1) Извѣстить страховщика о случившемся несчастіи въ срокъ, установленный полисомъ. Пропускъ этого строка влечетъ за собой тѣ послѣдствія, которыя указаны въ полисѣ. Такъ, по уставамъ всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ, страхователь, не извѣстившій общество въ установленный срокъ о случившемся несчастіи, теряетъ право на страховое вознагражденіе ¹⁾. Срокъ на подачу означеннаго увѣдомленія устанавливается, болѣе или менѣе, краткій ²⁾, такъ-какъ иначе для страховщика было-бы затруднительно сдѣлать провѣрку убытковъ, показываемыхъ страхователемъ, — провѣрку, на которую страховщикъ имѣетъ неотъемлемое и неотчуждаемое право. Собственно говоря, тѣ послѣдствія, которыя связываются уставами нашихъ страховыхъ обществъ съ пропускомъ этого срока, — именно, потеря права на страховое вознагражденіе, — не вытекаютъ необходимо изъ существа страхового договора: такая потеря была-бы справедливой лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда промедленіе страхователя дѣлаетъ невозможной провѣрку показываемыхъ имъ убытковъ; въ остальныхъ же случаяхъ было-бы достаточно возложить на страхователя уплату тѣхъ убытковъ, которые причинены страховщику означеннымъ промедленіемъ ³⁾. Для морскаго страхованія, нашъ законъ устанавливаетъ трехдневный срокъ ⁴⁾, съ пропускомъ котораго для страхователя наступаютъ вышеуказанныя послѣдствія.

2) Страхователь обязанъ *доказать* вѣрность показываемой имъ суммы убытковъ, причиненныхъ ему дѣйствіемъ обусловлен-

1) Руск. 96, Коммерч. 97, Якорь 16, Салам. 102 и др.

2) Русск. устанавливаетъ 5 дней, Коммерч., Салам., Якорь, — Сѣв., Моск., — 8 дней, и т. п.

3) Степановъ, стр. 172; Вицивъ, стр. 86—87.

4) Уст. Торг. ст. 560.

наго несчастнаго случая ¹⁾. Обязанность эта логически вытекает изъ существа страховаго договора, который не долженъ служить средствомъ обогащенія для страхователя. Въ самомъ дѣлѣ, сущность обязательства страховщика состоитъ не въ уплатѣ заранѣе—опредѣленной, неизмѣнной суммы денегъ подлѣ условіемъ наступленія несчастія даннаго рода, а въ возмѣщеніи страхователя за дѣйствительный ущербъ, причиненный застрахованному предмету дѣйствіемъ обусловленнаго несчастнаго случая. Страхователю, по-этому, недостаточно, при предъявленіи иска къ страховщику, представить полисъ, т. е. доказательство существованія договора между нимъ и страховщикомъ:—онъ долженъ доказать еще вѣрность каждой копѣйки показываемой имъ цифры убытка, а также, что убытокъ этотъ причиненъ дѣйствіемъ именно того несчастнаго случая, отъ котораго предметъ застрахованъ. Словомъ, весь *onus probandi* лежитъ на страхователѣ, какъ на истцѣ, и существованіе страховаго договора нисколько не освобождаетъ страхователя отъ соблюденія этого основнаго правила Гражданскаго процесса ²⁾.

3) Страхователь долженъ доказать, что онъ собственникъ (или законный интересентъ) застрахованнаго предмета и былъ таковымъ въ моментъ заключенія страховаго договора ³⁾. Это вытекаетъ изъ того, что, съ одной стороны, заключать страховой договоръ можетъ только собственникъ и законный интересентъ (или ихъ предствители) ⁴⁾; а съ другой стороны, въ промежутокъ времени между заключеніемъ страховаго договора и наступленіемъ обусловленнаго несчастнаго случая право собственности (или интересъ) по застрахованному предмету можетъ перейти къ другому лицу, которое одно и будетъ имѣть право иска къ страховщику.

¹⁾ Уст. Торг. ст. 561; Уставы всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ; Степановъ, стр. 173; Вишнякъ, стр. 87; Р. Г. К. Д. 77/197, 80/7, 80/40 и др.; Н. Г. В. Art. 886.

²⁾ Уст. Гражд. Судопр. ст. 366; Voigt, стр. 765.

³⁾ Степановъ, стр. 154 и 174; Вишнякъ, стр. 89; Н. Г. В. Art. 887.

⁴⁾ См. выше, стр. 50 и слѣд.

Здѣсь мы подошли къ важному и спорному въ наукѣ вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ право требованія страхового вознагражденія можетъ переходить отъ первоначальнаго страхователя къ другимъ лицамъ.

Нѣкоторые писатели ¹⁾ считаютъ полисъ обыкновеннымъ кредитнымъ знакомъ, бумагою на *предъявителя*, и, согласно этому, признаютъ право требованія страхового вознагражденія за всякимъ предъявителемъ полиса, за всякимъ его *фактическимъ* владѣльцемъ,—не спрашивая о томъ, интересентъ-ли онъ застрахованнаго имущества, или нѣтъ. Но я уже выше объяснилъ, что такой взглядъ противорѣчитъ существу страхового договора, допуская къ роли страхователя не только любого интересента, но даже и не интересента,—т. е. превращаетъ страховой договоръ въ договоръ пари ²⁾.

Другіе писатели, соглашаясь съ тѣмъ, что право требовать вознагражденія по полису принадлежитъ только законному интересенту застрахованнаго имущества,—признаютъ въ то-же время, что это право переходитъ ко всякому новому собственнику (или интересенту) въ силу самаго факта перехода къ нему права собственности (или интереса) на застрахованный предметъ, и что для этого не требуется формальной цессіи со стороны первоначальнаго страхователя, такъ-какъ, говорятъ они, полисъ есть принадлежность застрахованной вещи, а „*res accessoria cedit rei principali*“ ³⁾. Но принадлежностнымъ договоромъ къ извѣстной вещи должно считать лишь такой договоръ, который служить доказательствомъ права на эту вещь ⁴⁾,—напр. купчая крѣпость на домъ есть принадлежность этого дома; страховой-же договоръ не устанавливаетъ вещныхъ правъ на застрахованный

¹⁾ Boulay-Patu, Alauzet. Полисы на предъявителя встрѣчаются крайне рѣдко. Voigt, стр. 70.

²⁾ Voigt, стр. 73.

³⁾ Этого взгляда придерживается, напр. Вицинъ, стр. 82

⁴⁾ Степановъ стр. 157.

предметъ, а есть лишь мѣра охраненія цѣлости послѣдняго; по этому, права по полису, подобно прочимъ правамъ на чужія дѣйствія, могутъ быть передаваемы не иначе, какъ путемъ формальной цессіи ¹⁾).

Наконецъ, писатели, признающіе, что уступка правъ по полису можетъ происходить лишь по формальной цессіи, расходятся между собой по вопросу о томъ, требуется-ли для этой цессіи согласіе страховщика, или нѣтъ? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ всецѣло отъ рѣшенія другого вопроса, а именно: затрагиваетъ-ли цессія интересы страховщика? безразлична-ли для послѣдняго та, или другая личность страхователя ²⁾? Если исходить изъ существа страхового договора, вслѣдствіе котораго страховщикъ отвѣчаетъ только за несчастный *случай*, а не за вину страхователя, хотя-бы то была вина неосторожная, то, казалось-бы, для страховщика совершенно безразлична личность страхователя, такъ-какъ надъ случаемъ не воленъ никакой страхователь, будь онъ даже *diligentissimus pater familias*. Такъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Степановъ, добавляя, что страховщикъ, по существу своего промысла, лишенъ возможности знакомиться съ личными качествами страхователя, такъ-какъ для этого ему пришлось бы держать несмѣтное количество агентовъ ³⁾. Но справедливость этихъ соображеній только кажущаяся. Я уже выше объяснилъ, что на практикѣ чрезвычайно трудно провести точную границу между случаемъ и неосторожной виной. Если такъ, то для страховщика далеко не безразлична личность страхователя, ибо не всѣ люди одинаково осторожны. Правда, страховщику не всегда можетъ быть извѣстна степень осторожности и добросовѣстности того или другого страхователя; но часто она можетъ быть и извѣстна ему. Въ виду этого, мнѣ кажется, слѣ-

1) Мейеръ, стр. 346; Voigt, стр. 73.

2) Мейеръ, стр. 344.

3) Степановъ, стр. 155; нѣмекое право также не требуетъ согласія страховщика на цессію полиса: Н. G. B. Art. 304.

дуетъ признать, что личность страхователя не безразлична для страховщика, и что, поэтому, цессія полиса можетъ совершаться не иначе, какъ *съ согласія страховщика*. Изложенныя соображенія тѣмъ справедливы въ тѣхъ случаяхъ, когда, — какъ напримѣръ, по уставамъ всѣхъ нашихъ страховыхъ обществъ — страховщикъ отвѣчаетъ не только за послѣдствія несчастнаго случая, но и за несчастія, вызванныя неосторожностью самаго страхователя ¹⁾.

Согласно плану настоящаго изслѣдованія, я долженъ-бы теперь сказать о послѣднемъ элементѣ страховаго договора, — согласіи сторонъ. Но такъ-какъ относящіеся сюда вопросы были разсмотрѣны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ изслѣдованія, то было бы излишне вдаваться здѣсь въ повторенія сказаннаго.

³⁾ Уставы эти прямо признаютъ договоръ страхованія недействительнымъ, въ случаѣ цессіи полиса другому лицу безъ согласія страховаго общества: Русск. § 92, Коммерч. 89, Якорь 14, Салам. 99, Сѣв. 40, Моск. 85, Надежда 7 и др. Того-же взгляда придерживается и нашъ Сенатъ: Р. Г. К. Д. ^{78/196}, ^{86/13} и др.